

АСЯ КЕФЭ

ЭГЕНИУМ

Берег неотпущенных

Ася Кефэ

Эгениум.Берег неотпущенных

<https://litres.ru/74254458>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ян привык, что его слова — это просто слова. Но однажды тени оживают, и он узнаёт: Эгениум, древняя тьма, плетёт из обрывков его негатива нити, которые тянутся к близким.

Вместе с одноклассниками Ян начинает квест, который оказывается проверкой: сможет ли он отозвать свои мысли, когда на кону жизнь тех, кого он хотел стереть? Особенно теперь, когда его желания так легко исполнить — достаточно шепнуть темноте заветное «Пусть...»

Ася Кефэ

Эгениум.Берег

неотпущенных

«Эгениум. Берег неотпущенных»

Ася Кефэ

«Твои мысли и действия имеют вес. Ты не бог, но и не ноль»

Глава 1

Сначала ты уверен, что спишь. Мир вокруг — как размытая картинка, звуки будто из-под воды, тело не слушается. Ты знаешь: сейчас прозвенит будильник, мама крикнет из кухни, за окном проедет первая машина — и всё вернётся на свои места.

Бывает, ты падаешь во сне — и в последний момент дёргаешься, просыпаясь в своей постели. Сердце колотится, под ладонью — знакомая простыня, стены на своих местах. Можно выдохнуть. Это был просто сон.

Но иногда что-то идёт не так.

Ты всё так же лежишь между сном и явью, слышишь мир... и вдруг понимаешь: будильник не звенит, голоса нет, комната будто чужая.

Ты пытаешься открыть глаза — и не до конца понимаешь, какие из картинок настоящие, а какие ещё принадлежат но-

чи.

В этот момент грань трескается.

Сон не отступает до конца, а реальность не спешит приходить.

И именно там, в этой тонкой трещине между «ещё сплю» и «уже проснулся», начинается моя история.

Будильник заорал так, будто собирался будить не одного человека, а весь район. Ян нащупал телефон, тыкнул вслепую и, не открывая глаз, задержал палец на холодном экране.

«Пять минут», — подумал он. Как будто эти пять минут могли что-то изменить.

Из-за стены послышался голос мамы:

— Я-а-ан! Вставай! Тебе в школу!

Он выдохнул, перевернулся на спину и уставился в потолок. Тонкая трещина, тянущаяся от люстры к углу комнаты, напоминала ему карту. Только он так до сих пор и не понял — карту к чему.

«Все чего-то хотят, — лениво прокрутилось в голове. — Мама — чтобы я не опаздывал. Алексей — чтобы «определился с целями». Классуха — чтобы перестал спать на уроках. Я вообще-то и так стараюсь. Учусь, не пью, не дерусь. Чего им всем ещё нужно?»

Он всё-таки сел, потёр глаза и потянулся к тетради, лежавшей на столе. На обложку налипли крошки от вчерашнего печенья. Ян смахнул их.

Тетрадь раскрылась сама — на самом толстом, распухшем от линий и штрихов развороте.

Такие страницы никогда не лежат ровно: когда долго рисуешь, бумага приминается сильнее остальных, выгибается дугой, как будто сама просится под руку.

Почти весь блокнот был исписан. Где-то торчали угольные тени, где-то виднелись размазанные пальцем графитовые пятна. Но последняя страница выделялась даже на их фоне.

На ней — рисунок, сделанный маркерами.

Цвет лег плотно, ярко, так, как умеют только хорошие спиртовые маркеры: без полос, с мягкими переходами, но при этом каждая деталь — как удар. Контуры чуть повело от слоёв краски, края страницы стали жёсткими, шершавыми.

Если провести по ним пальцем, кожа цепляется за выступающие гребни бумаги — следы того, сколько раз он возвращался к этому месту, дорисовывал, исправлял, нажимал сильнее, чем нужно.

На странице — его вчерашний набросок: высокий дом, наполовину освещённый солнечными пятнами, наполовину утопающий в густой тени. На крыше — фигурка, похожая на него самого. Внизу — маленький силуэт женщины с круглым животом и мужчина рядом, у которого вместо лица пустое светлое пятно.

Он провёл пальцем по пятну, как будто пытаюсь нащупать там черты. Ничего.

Ян засунул тетрадь под кучу учебников на столе. Он уже сбился со счёту, сколько таких тетрадей, блокнотов у него было. Дома, в школьном рюкзаке — они всегда сопровождали его.

На кухне пахло тостами и кофе. Мама стояла у плиты, помешивая кашу и придерживая рукой живот. Алексей сидел за столом, листая новости в телефоне.

— Доброе утро, — буркнул Ян.

— Утро уже давно доброе. Ты опять три будильника проспал? — спросила мама.

— Два, — поправил он. — Третий сработал.

Алексей, не отрываясь от экрана, хмыкнул:

— Если бы уроки начинались в двенадцать, ты бы был идеальным учеником.

Ян промолчал. Садиться напротив отчима всегда казалось странным: вроде бы за год он привык к его присутствию, но всё равно чувствовал себя как гость, которого забыли вовремя выгнать.

Мама поставила перед ним кружку какао, хотя он давно пил кофе.

— Ты вечером во сколько будешь? — она села рядом. — Мы с Алексеем хотели обсудить... ну, вообще. Школу. Лето. Дальше. Лето... — мама на секунду задумалась, глядя в окно. — Может, получится ещё раз выбраться к морю, как тогда. Помнишь, в Крыму, когда ты был младше?

Ян пожал плечами. Он помнил обрывки: солёный воздух,

облупившуюся белую стену санатория и страшную тёмную лестницу, ведущую вниз, куда запрещали ходить. Тогда ему казалось, что под ней начинается другой мир.

«Конечно. Обсудить моё “дальше” без меня невозможно», — язвительно подумал Ян, но вслух сказал:

— Сегодня могу быть поздно. К Севе заедем после уроков, у нас проект по истории.

Мама кивнула, но чуть прищурилась:

— Только не задерживайтесь. И не гуляйте возле стройки. Помнишь, что там...

— ...опасно для жизни, — закончил Ян. Эту фразу он видел на ограждении уже сотню раз. — Мам, ну я же не маленький. Помню.

Он запихнул в рот тост, надел рюкзак и уже собирался выйти, как в коридоре его догнал голос Алексея:

— Ян.

Он обернулся. Алексей стоял в дверях их с мамой комнаты, опираясь плечом о косяк. В свитере, джинсах, с чуть взъерошенными волосами — обычный, почти «свой» взрослый. Если забыть, что этот взрослый живёт в их квартире, спит в маминой постели и что скоро у них будет общий ребёнок.

— Слушай... — отчим помолчал, подбирая слова. — Мы с мамой правда хотим с тобой поговорить. Не про оценки. Про тебя. Ладно?

— Ладно, — коротко ответил Ян.

«Про меня, конечно», — отозвалось внутри, когда он захлопывал за собой дверь.

Самое ужасное в школе было даже не то, что приходилось вставать рано. Самое ужасное — коридор перед первым уроком, когда все ещё полусонные, но уже на месте. Шум, запах дешёвого кофе из автомата, чей-то смех, хлопки дверей.

— Ян! — Сева вынырнул из толпы, как обычно без тетради, без ручки, но с бесконечным запасом энергии. — Спасай. Я вчера залип в сериал. Ты же алгебру делал?

— Делал, — вздохнул Ян. — Но я же не могу просто так отдать...

— Можешь-можешь, — уверенно сказал Сева и ухватил его под локоть. — Ты же мой друг и вообще хороший парень.

Это «хороший» прозвучало и как комплимент, и как приговор. Ян скривился, но всё равно достал тетрадь. Кому он пытался доказать обратное?

На третьем уроке, на истории, даже Сева притих. Учительница ходила между рядами, что-то вещала про раскопки Шлимана — те самые руины Трои, найденные в начале двадцатого века. Она долго рассказывала, как по фрагментам собирали город, которого вроде бы не существовало.

Ян в какой-то момент поймал себя на том, что звук её голоса превращается в ровный фон.

Глаза начали закрываться сами собой. Он уткнулся лбом в ладонь, пытаясь удержаться.

«Не сейчас. Только не сейчас», — попросил он себя.

— Ян! — учительница резко назвала его по имени.

Он дёрнулся. Класс зашептался. Сева рядом тихо фыркнул.

— Поделитесь-ка, молодой человек, — голос исторички был сладкий, но таил опасность, — что вы можете сказать о городе, который засыпали песком, а потом откопали археологи?

Ян моргнул. В голове всплыли улицы из его сна: белые дома, отбрасывающие слишком длинные тени, и голос, шепчущий что-то на непонятном языке.

— Его... как и людей, которые там жили, слишком поздно вспомнили, — неожиданно для себя выдал он. — И теперь все делают вид, что он всегда был только музеем.

В классе кто-то хмыкнул. Учительница удивлённо подняла брови.

— Нестандартно, но... в чём-то верно, — признала она. — Главное, Ян, — не превратить свою жизнь в музей, где вы будете сторожем. Спите по ночам, а не на уроках.

Сзади раздался смешок. Ян почувствовал, как к ушам приливает густой жар.

«Ну да, шутка века. Сонный сторож собственной жизни», — горько подумал он и уткнулся в тетрадь, чтобы никто не видел, как дрогнули губы.

День на удивление прошёл быстро и без происшествий. Не считая того, что Сева влез перед ним в очередь и купил последние два пирожка, сжевав их в одну каску, даже не по-

думав поделиться.

«И чего я с ним всё нянчусь, проект подписался делать, списывать даю», — думал Ян, наблюдая, как Сева засовывает в рот последний пирожок.

Глава 2

После школы воздух казался другом. Ян остановился у ворот, вдохнул глубже.

В кармане завибрировал телефон. Сообщение от мамы: «К шести будь дома».

Он закатил глаза, удручённо вздохнул, но всё равно набрал: «Ок».

Он мечтал о том дне, когда сможет куда-нибудь уехать или начать жить отдельно. Правда, это пока всё оставалось только планами. Он даже думал пожить у Севы, тот вроде был не против, обещал с родками поговорить, типа Ян будет его подтягивать по учебе.

«А что, было б неплохо, хоть не буду видеть их всех. Можно делать что хочется, в телефоне сидеть без этого “а, ты опять там завис”».

Яна подбешивали эти двойные стандарты. Как сами там что-то листают, так это нормально, как он в телефоне, так сразу скандал. Может, хоть бебик родится — на него переключатся и про Яна забудут. Хотя от этой мысли тоже было не особо весело.

Иногда в голове вспыхивало: «А если бы его вообще не

было?» Не авария, не болезнь — просто... ошиблись врачи, придумали.

Как только эта мысль оформлялась словами, становилось мерзко. Ян морщился и гнал её прочь, но оттого она казалась ещё более липкой.

Он сел на лавку, достал тетрадь. Всё равно обещал Севу подождать, пока тот алгебру пересдаст. Ян рисовал постоянно, в любую свободную минуту: в тетрадках, в блокнотах, даже на салфетках.

В последнее время в рисунках всё чаще повторялся один и тот же сюжет. На странице в тетради был знакомый дом — наполовину в тени, наполовину на свету — почти такой же, как в его домашнем блокноте. Иногда он начинал рисовать дом в школьной тетради, а заканчивал уже дома, в другом месте — будто одни и те же линии сами искали себе продолжение.

Рука потянулась к карандашу. Внизу, почти не думая, он дорисовал: вместо пустого белого пятна на месте лица отчима — тёмная, как выжженная, дыра. Из неё тянулись тонкие чёрные нити к маме и к маленькому кокону рядом. На другом краю листа появилась тонкая фигурка в капюшоне, держащая ножницы.

Он посмотрел на результат, хмыкнул и захлопнул тетрадь. «Молодец, Ян. Отличная семейная терапия: жили они долго и счастливо».

— Ну что, художник века, пошли историю спасать, пока

про нас не забыли окончательно, — улыбаясь, произнёс подошедший Сева.

Они дружили давно, ещё с шестого класса. Тогда два девятиклассника прижали Севу к стене за гаражами, требуя деньги «на обед». Ян, сам не понимая зачем, полез вмешиваться. В итоге синяк под глазом остался у него, а не у Севы, дома за это «геройство» его ещё долго пилили. С того дня Сева считал, что Ян навсегда в списке спасателей.

— Если тебя кто-то опять тронет, я, конечно, убегу первым, но морально буду рядом, — серьёзно сказал тогда Сева, и Ян впервые за долгое время рассмеялся.

Они направились к дому Севы. Тот всю дорогу что-то рассказывал — про сериал, который «обязательно надо посмотреть», про одноклассницу, которая точно влюблена в него, потому что смотрит в его сторону раз в неделю. Ян кивал в нужных местах, но мысли упрямо возвращались домой: к маминому животу, к Алексею, к вечному «надо поговорить».

Квартира Севы была в старом большом кирпичном доме с зелёным двором. Ян смотрел на семейство Севы: все невысокие, плотные и вечно улыбающиеся, казалось, они не знают других эмоций. Было даже слишком сладко, но всё равно здесь дышалось легче, чем дома.

— Ян, какой ты молодец, что Севе помогаешь. Ну вот, пару лет пережить — и всё, дальше свободная жизнь, — без умолку болтала мать Севы, выкладывая на стол печенье. — Ты, кстати, куда дальше собираешься, решил уже?

— Я... — Ян пожал плечами, но договорить не успел.

Мать Севы уже переключилась обратно на сына:

— А вот мы думаем о вузе в Англии. Лучшему нужно лучшее, — она тронула Севу за плечо. — Ты же согласен со мной? — и она снова повернулась к Яну, будто и ему нужно было утвердить этот план.

— Угу, — промямлил он.

«Был бы он лучшим, если б я не помогал, а вы бы не платили за его репетиторов. Все же знают, что Севке плохие оценки не ставят».

Иногда, когда Сева в очередной раз заявлялся к нему со своим «спаси, выручи, сделай за меня», Ян в деталях представлял другую картинку: Севу, сидящего одного в пустой комнате без интернета, с двойками в дневнике и отобранным телефоном. Содрогающиеся от негодования родители, никакого «лучшему — лучшее», никакой Англии.

Представлял — и тут же чувствовал себя гадко, будто подглядывает за чем-то запретным внутри собственной головы.

Но он не обижался на них. Всё равно они были нормальными родителями: не лезли в жизнь Севы каждую минуту, многое ему позволяли и не стояли над душой с вопросом: «Когда ты будешь дома?»

Ян посмотрел на часы. Время подбиралось к семи вечера. Ещё чуть-чуть — и начнётся привычное: «Ты где? Почему не дома?»

— Ладно, я пойду, — Ян поднялся. — Мне домой надо,

к семи быть. Что-то мои о будущем, видимо, со мной хотят поговорить, — усмехнулся он невесело.

Дома было удивительно тихо. Мама сидела на диване, подложив под спину подушки, а рядом — Алексей. На журнальном столике лежала знакомая тетрадь .

— Привет, — сказал Ян, разуваясь.

— Привет, — ответили оба почти хором.

— Садись, — мама хлопнула ладонью по месту рядом с собой.

Он сел, чувствуя, как внутри поднимается знакомое «сейчас будет что-то неприятное».

— Ян, — мама нервно поправила прядь, хотя та и так лежала идеально. — Мы... хотели поговорить. Не ругать. Просто... Сейчас много всего. Школа, экзамены через год. Беременность. Ты почти не говоришь о том, как ты.

«А вы спрашивали?» — с сарказмом подумал он, но снова промолчал.

— Смотри, — подключился Алексей. — Ты умный парень, но какой-то замкнутый. Спишь на уроках, маме не отвечаешь, дома вечно в телефоне или с блокнотом. Ладно, это твое дело, тебе с этим характером жить. Но... — он на секунду замялся. — Сегодня я случайно наткнулся на один из твоих рисунков.

Ян замер. Сердце пропустило удар.

— Ты забыл блокнот, — спокойно объяснил Алексей. — Мама делала уборку. Открыла его... и увидела вот это.

Он протянул руку к столику, взял тетрадь и открыл на странице с домом, наполовину в тени, наполовину в свете: на крыше — фигурка, похожая на Яна. Внизу — мама с круглым животом и мужчина рядом, у которого вместо лица — тёмная дыра, от которой тянутся чёрные нити к ним обоим и к маленькому кокону.

— Ян... — в голосе мамы не было возмущения, а скорее тихая боль, словно все её ожидания и надежды на счастливую семью рухнули. — Это... мы?

— Нет, это семья из рекламы майонеза, — вырвалось у него. — Конечно вы!

Он пожалел о словах сразу, как только увидел, как она опустила глаза.

— Мне просто... — Ян сжал кулаки, но слов не нашлось. Как объяснить, что он не против ребёнка, не против маминного счастья, просто не видит в этом будущем себя?

Алексей вздохнул.

— Слушай, ты подросток, ты нервничаешь. Возможно, я тебе не особо нравлюсь. Но подумай о матери! Ей нервничать нельзя, а когда ты рисуешь нас с... вот этим, — он кивнул на чёрные нити, — мне тоже становится страшно. Не за себя. За тебя.

Он перевёл взгляд на маму.

— Мы подумали... может, тебе стоит поговорить со специалистом. Выговориться там...

— Вы хотите сдать меня психологу, потому что я рисую?

— горько усмехнулся Ян.

— Мы хотим, чтобы тебе было легче, — тихо сказала мама. — Ты стал хуже спать. Точнее, наоборот, всё время хочешь спать. И эти твои сны... Ты жаловался на них ещё в детстве. Помнишь, как тебя по врачам таскали?

Ян поморщился. Помнил. И странную смесь стыда и облегчения, когда сны тогда неожиданно исчезли.

— Может, это не только усталость, — продолжила мама. — Если тебе опять снятся... те места. Те голоса. Наверное, с этим лучше не оставаться одному.

Алексей кивнул:

— Знаешь, иногда мозг начинает прокручивать самые ужасные варианты. Как трейлер к плохому фильму. Это не значит, что всё так и будет. Но если каждый день смотреть только этот трейлер... рано или поздно согласишься, что другого фильма не существует.

Внутри Яна поднялся глухой протест: ещё один взрослый, который будет рассказывать, как ему жить. Но где-то в глубине, под этим протестом, шевельнулось маленькое, упрямое: «А вдруг там хоть кто-то слушает по-настоящему».

— Ладно, — нехотя согласился он. — Один раз могу сходить. Но только один!

Мама выдохнула, будто всё это время не дышала.

— Спасибо, — сказала она. — Я уже нашла центр недалеко, завтра позвоню и запишу тебя. Там хороший психолог, он работает с подростками. Не будет ставить тебе «диагноз

зомби», — она попыталась пошутить.

Ян криво усмехнулся в ответ.

«Посмотрим», — пробормотал он и поднялся к себе в комнату.

В углу потолка снова маячила трещина. На этот раз она отчётливо напоминала линию берега, за которой начиналась другая, чужая страна.

Глава 3

Записаться получилось на удивление быстро: к вечеру мама уже прислала в мессенджер адрес, время и короткое: «Если передумаешь, всё равно сходи разок, ладно?»

А на следующий день Ян уже сидел в мягком кресле напротив худого мужчины в очках.

— Как давно тебе снятся такие сны? — голос врача звучал глухо, будто из-за стекла.

Кабинет был простым, но уютным: мягкое кресло, стеллаж с книгами, на подоконнике — кактус в красном горшке. И всё равно Ян чувствовал себя так, будто его посадили под прожектор.

— Кажется, всегда, — он посмотрел в сторону. — В детстве мне снилось, что я взрослый. Не помню деталей, но знаю: то место, куда я попадаю сейчас... я там уже был. Всё каждый раз другое, но я его узнаю. Я был готов прогуливать уроки, лишь бы уснуть и вернуться туда. Родители пугались, таскали меня по врачам. Потом сны просто исчезли. А три

месяца назад вернулись.

Он чуть усмехнулся краем рта, хотя ничего смешного в этом не было.

— Там города из света и тени, — продолжил Ян. — Я слышу голоса, не похожие на человеческие. Там нет времени — только ощущение, что меня ждут. Как будто я там нужен больше, чем здесь.

Психолог что-то отметил в карте, но не выглядел испуганным или раздражённым. Скорее... заинтересованным.

— Знаешь, Ян, — он положил ручку, — сны не всегда означают бегство. Иногда это способ для мозга попробовать другой вариант реальности. Как примерка. Представь, что твой мозг — режиссёр. Он снимает черновые дубли. Большинство никогда не попадает «в прокат». Но какой дубль в итоге войдет в фильм — зависит не только от него.

Ян пожал плечами. От того, что врач говорил спокойно, становилось чуть легче.

— Давай начнём с простого, — продолжил тот. — Сразу после пробуждения записывай всё, что запомнишь: образы, слова, ощущения. Даже если они кажутся чушью. И если вдруг захочется нарисовать — рисуй. Это всё равно останется твоими черновиками, не приговором. Ладно?

— Ладно, — кивнул Ян. — Попробую.

Домой он пошёл пешком. После кабинетов всегда хотелось проветрить голову.

Моросил мелкий дождь, свет фонарей расплзался по

мокрому асфальту длинными пятнами. Ян шёл по почти пустой улице и чувствовал себя призраком среди чужих теней.

За спиной слышались шаги. Он невольно ускорился. Шаги — тоже. «Отлично. Ещё этого не хватало», — подумал Ян, сильнее сжимая лямку рюкзака. Внутри поднялось знакомое липкое чувство — почти как в детстве, когда приходилось проходить через двор школы, где толпились агрессивные старшаки.

Прохожий быстро обогнал его, чуть задев локоть.

— Фух... ну и нервный ты, приятель, — пробормотал Ян себе под нос. — Уже мерещится...

В тот же момент тени от фонарей будто потекли. Они вытянулись, зашевелились, смыкаясь вокруг него плотным кольцом. Воздух стал вязким. Что-то холодное коснулось шеи. Ян хотел обернуться — не смог. Хотел крикнуть — звук застрял в горле.

Перед глазами дрогнула его собственная тень, а над ней нависло нечто огромное. Длинные, похожие на щупальца, руки скользнули по его плечам, грудной клетке, словно примеряясь, за что ухватиться.

Дышать становилось всё труднее. Мир сузился до серо-чёрного кольца из теней и глухого стука сердца в ушах.

И в этот момент, когда воздуха в груди оставалось всё меньше, он заметил чуть в стороне от дороги странное существо. Низкое, лохматое, на коротких лапках, оно топталось у бетонного цоколя дома, рядом с приоткрытой металличе-

ской дверью в полуподвал. В темноте было не разобрать, то ли это гусь в старой шубе, то ли мохнатая гусеница, вставшая на задние лапы.

Существо явно махало ему... Лапой? Головой? Как будто звало к себе.

Ян инстинктивно согнулся, стараясь стать меньше, уйти ниже, туда, где щупальца не так плотно сжимали воздух. Он почти вслепую добежал до дверцы, рванул её. На ржавых петлях она приоткрылась шире. Внутрь уходила узкая бетонная лестница. На ней висела криво прибитая табличка: «Вход воспрещён . Опасно для жизни».

— Сюда-сюда, — нетерпеливо зашипело существо. — Я уже думал, что ты совсем тупой, — не церемонясь, добавило оно, когда Ян подполз ближе.

Голос был глуховатый, с писклявыми нотками. Существо проглатывало некоторые звуки, картавило и, казалось, давно молчало, поэтому теперь связки нужно было «разогреть», чтобы звуки шли как надо.

— Я что, спятил? — прошептал Ян, уставившись на него.

— Ещё чуть-чуть — и от тебя осталось бы пустое место, — фыркнуло существо. — Ладно, бывай, я пошёл.

— Подожди! Куда ты? — Ян услышал, как дрожит собственный голос.

— Я — туда, — просто ответило оно и махнуло куда-то в сторону.

— А я?

— А ты — как хочешь, — буркнуло существо уже почти изнутри. — Некогда мне тут с тобой возиться.

И это нечто исчезло за дверью.

Щупальца теней сзади сжались плотнее. Ян на секунду обернулся и с ужасом увидел, как чёрные вихри тянутся к кустам, к окнам домов, как будто пытаются нащупать добычу, которая от них ускользнула. В некоторых окнах свет гас прямо на его глазах, будто кто-то выключал мир по кусочкам.

Он просунул руку в щель, удерживая дверь, и, почти не чувствуя ног, втиснулся внутрь следом за существом. Железо холодом скользнуло по спине. Тени рванулись вслед, но и захлопнувшаяся дверь отрезала их, как лезвие.

За дверью было тихо и темно.

— Эй... ты где? — Ян попытался разглядеть хоть что-то, но глаза ещё не привыкли. Он почти шептал, боясь, что тьма услышит.

Он потянулся к телефону — это было почти автоматическим движением. Экран вспыхнул бледным прямоугольником, знакомое меню, иконка фонарика в углу. Ян ткнул в неё пальцем. Ничего. Ещё раз. Сильнее. Экран послушно реагировал: иконка «нажималась», чуть темнела — и всё. Никакого луча, никакого привычного белого конуса света.

Он вышел из приложения, снова открыл. Провёл пальцем по «шторке», попробовал включить фонарик оттуда.

Телефон был живой: ловил сеть, показывал время, при-

нимал уведомления. Не работала только одна функция — та самая, которая сейчас нужна больше всего. В темноте от этого становилось как будто ещё теснее.

Свет есть, но его нельзя достать, он застрял внутри холодного экрана. Ян уже собрался перезагрузить телефон, и в этот момент в темноте что-то тихо щёлкнуло.

— Не шуми, тут я, — отозвался всё тот же глуховатый голос. — Путь щупаю, не мешай.

— Куда?

— Домой, — просто сказал тот.

— А я? — снова вырвалось у Яна.

— Что ты заладил: «А я, а я...», — передразнило его существо. — Хватит с тебя того, что я тебя от Эгениума спас. Дальше давай сам.

— Что — сам? — не понял Ян.

— Потом, — отмахнулось оно. — Подожди. Свет найду — посмотрю на тебя получше. Может, не всё потеряно, раз Эгениум тобой заинтересовался.

В этот момент в лапе существа загорелся тусклый шар, похожий на фонарь. Оно повесило его себе на шею, и мягкий, дрожащий свет разогнал часть тьмы.

Существо подковыляло ближе, смешно переваливаясь с лапы на лапу, и мокрой, чуть шершавой подушечкой провело Яну по щеке, всматриваясь ему в глаза.

— Ладно, — протянуло оно, как будто что-то для себя решая. — Оставлять тебя тут смысла нет. Утянут совсем. Хо-

чешь — иди за мной.

Ян открыл рот, чтобы спросить: «Кто ты и что за Эгениум?», но существо тут же добавило:

— Только без вопросов. Просто иди. И под ноги смотри, тут разное может попасться...

Оно повернулось и заковыляло вперёд, освещая путь своим странным шаром. Ян сглотнул, оглянулся на чёрную дверь, за которой ворочались хищные тени-щупальца, и, вздохнув, пошёл за своим проводником.

Они долго шли по тёмным коридорам с тяжёлыми сводами. В слабом свете шара-фонаря всё выглядело зловещим.

Ян дотронулся до стены, но сразу отдернул руку, словно соприкоснулся с чем-то гадким, липким и в тоже время обжигающим.

— Сказал же тебе просто идти, что же вы, люди, такие бестолковые. Теперь весь день чесаться будет. Это мокротины, они противные и никого не любят, живут в темноте.

— Я что-то про таких не слышал, — неуверенно ответил Ян, рука действительно горела и чесалась.

— А ты вообще мало про что слышал, — буркнуло существо.

— А ты сам-то кто?

— Я тот, кого не знают, и тот, кто многое умеет, если попросить шёпотом.

— Это как?

— Нет, ты точно ужасный, надо было тебя там оставить.

Ты хоть иногда молчишь?

— Молчу, — ответил Ян, — просто не часто тебя кто-то хочет куда-то утащить, а какое-то странное существо тебя водит по подвалам.

— Во-первых, ты сам Эгениума позвал, во-вторых, я не существо, а Дерезбендель, — величественно произнёс то ли гусь, то ли гусеница.

Ян подумал, что, видимо, это означает что-то важное, и замялся.

— Ну, я всё равно ничего не слышал ни про этого Эгениума, ни про тебя. Больше на бред похоже.

— Аккуратно, сейчас лестница будет. И молчи, тут не любят, когда шумят, — тихо предостерёг Дерезбендель.

На пятой или шестой ступеньке воздух вдруг стал вязким, как кисель. Ян поднял ногу, чтобы сделать ещё шаг — и не смог. Будто под подошвами застыла невидимая смола.

— Стоп, — рядом, чуть ниже, произнёс тот же голос.

Ян услышал, словно существо с кем-то шепчется:

— Дальше тебе дороги нет. Твой путь в другую сторону.

— Но подожди, как так, я могу идти за тобой, ты же сам видел, что там было.

— Не положено — значит, не положено, — строго изрёк Дерезбендель.

— А мне куда? — жалобно произнёс Ян.

Дерезбендель посмотрел на него удивленно, словно не мог представить, что кто-то может задать такой вопрос, и,

почесав лапой переносицу своего большого носа, произнес :
— Ладно, смотри. Вернёшься на пять ступенек выше, повернёшься пять раз через левое плечо и на каждом повороте повторишь: «Не друг, не враг, не сам пришёл, не сам ушёл». И дальше иди прямо.

— Там же темно. А у меня фонарик не работает.

— Если правильно всё сделаешь, то путь увидишь. Неправильно — извини, будешь тут плутать. Всё, пока, — быстро произнесло существо.

В этот момент засияла сизоватая дымка, и существо исчезло, словно его и не было.

«Я точно свихнулся», — прошептал Ян. Он сделал пять неуверенных шагов. Ноги оказались на бетонной площадке. Ян про себя повторил слова, а потом стал вращаться через левое плечо, произнося слова вслух. Он уже хотел остановиться, как вдруг мгла стала серой и впереди забрезжил свет. Ян поспешил к проходу.

Вокруг него был город, моросил дождь. Время на телефоне показывало, что он как будто и не отсутствовал совсем. Он огляделся по сторонам. «Почудилось», — с каким-то облегчением подумал Ян.

Но руку жгло. Он посмотрел на ладонь — там красовался красный след в виде маленького листика. Да и место, где он вернулся на улицу, было не тем, где он спустился в подвал.

Ян аккуратно вытер мокрые ладони о джинсы и, спотыкаясь, пошёл домой, отчаянно стараясь не смотреть на тени от

фонарей.

Глава 4

Утром рука горела, как будто Ян всю ночь держал её над плитой.

Какое-то время он просто лежал и смотрел вверх. Трещина на потолке, похожая на береговую линию, казалась светлее обычного — может, потому что глаза ещё не до конца открылись. Психолог, тени, подвал, гусь в шубе... — всё это больше походило на очень подробный сон после нервного дня, чем на что-то реальное.

Если бы не ладонь.

Ян осторожно разжал пальцы и поднёс руку к лицу. Вчерашний красный след никуда не делся. Контур листика был тонким, почти аккуратным, как будто его обвели ручкой изнутри. Стоило шевельнуть пальцами — и под кожей вспыхивало знакомое жжение. «Аллергия, — упрямо подумал он. — На... Ну, мало ли на что. На жизнь».

Из-за стены слышался мамин голос. Всё было как всегда:

— Я-а-ан! Вставай, а то опять без завтрака убежишь. А ты со вчера не ел.

Он вздохнул, встал и поплелся в ванную, сунул воспаленную руку под струю холодной воды. Стало чуть легче, но контур не исчез.

— Доброе утро. — Мама поставила перед ним тарелку с

овсянкой. — Как там вчера? Нормальный специалист? А то ты пришел и сразу лег. Спал как сурок.

— Нормальный, — Ян пожал плечами.

— Пойдешь ещё?

— Посмотрю, может быть, — постарался отмахнуться Ян.

— Мам, ну зачем ты овсянку делаешь, я же её не люблю.

— Она полезная, — повторила мама фразу, надоевшую ему с детства, с самого садика.

Она, кажется, хотела сказать ещё что-то, но тут её взгляд зацепился за его руку.

— Ян, что это у тебя? — Мама потянулась и осторожно взяла его ладонь. — Обжёгся?

Он дёрнулся, но было поздно. В жёлтом кухонном свете чёткий контур листа расплывался и превращался просто в красное пятно.

— Да нет, — быстро сказал он. — За перила схватился, когда шёл. Мокрые, ржавчина, видимо. Подумаешь.

— Покажи нормально.

Она развернула его кисть, прищурилась.

— Странно как-то... — пробормотала она. — Похоже на аллергию. Не чешется?

— Ерунда, — соврал он. На самом деле чесалось так, что хотелось об угол стола тереть со всей силы. — Само пройдет.

— Ничего само не проходит, — вздохнула мама, встала и полезла в аптечку. — Намажь вот этим. Если станет хуже — пойдём к дерматологу. Ладно?

Он послушно выдавил из тюбика немного прозрачного геля и размазал по коже. Холодок разлился по ладони, жжение чуть притупилось.

Мама всё ещё смотрела слишком пристально.

— Ян...

— Мам, — он спрятал руку под стол. — Всё нормально. Честно. Просто вчера день такой был.

Она колебалась пару секунд, потом кивнула.

— Ладно. Но если что — говори.

Он промолчал и уткнулся в овсянку.

Алексей выглянул из комнаты, спросил, не опоздает ли Ян, и сцена снова превратилась в привычное утро. Только рука под столом пульсировала, словно напоминая: вчера было не «просто».

В школе всё было как всегда. Хоть одна точка постоянства: шум, смех, ор в коридорах, топот ног и грозные выкрики охранника.

Класс гудел в предвкушении урока. Математичка уже на пороге выглядела как человек, который жалеет, что выбрал педагогику, а не остров в Тихом океане с пальмами.

Ян сел на своё место у окна и машинально достал тетрадь. Пальцы сами начали обводить в углу знакомый контур дома: половина — светлая, половина — тёмная. На этот раз рука дрогнула, и рядом с крышей появился маленький листик, почти такой же, как на его ладони.

Он моргнул, перечеркнул лист несколькими линиями и перевернул страницу. Сердце всё равно стучало чаще обычного.

— Прикольная татушка, — раздалось сзади.

Ян вздрогнул так, что тетрадь едва не слетела с парты. Он поспешно перевернул ладонь, но было поздно: Мия, сидевшая за ним, заглядывала из-за плеча.

— Это не тату... — начал он и осёкся.

На коже всё ещё чётко горел красный контур листика. Казалось, он стал ярче от её взгляда.

— Ага, понятно. — Мия слегка улыбнулась.

— Аллергия, — выдал Ян заготовленную отговорку, — на новый... гель для душа.

— Круто тебя накрыло. — Она перегнулась ближе, разглядывая. — Прямо как настоящий. Как кленовый лист, только вытянутый. Ты его сам рисовал?

Сердце дёрнулось. Волосы Мии касались его щеки, а лёгкий, чуть уловимый запах мармеладных мишек был очень притягательным. Она была самой красивой девушкой в классе, по мнению Яна.

Он обернулся, скользнул взглядом по её тетради и впервые заметил, что у неё на полях тетради тоже кто-то живёт: мелкие, нервные линии, похожие на траву, волны и маленькие домики.

«Она тоже рисует?» — мелькнуло у него в голове. Но спросить не решился. После уроков Сева, конечно, попытал-

ся затащить друга «на пять минут» в нормальную кофейню, потом «ещё вот сюда», но у Яна были другие планы. В голове зудела только одна мысль: надо всё записать, пока детали не расплзлись, как вчерашний дождь по асфальту.

Он добрался до дома, сбросил рюкзак, захлопнул за собой дверь комнаты и на секунду просто прислонился лбом к косяку. Тишина казалась слишком громкой.

Ян достал обычную линованную тетрадь. «Дневник снов» — неуклюже вывел он на первой странице. Потом поморщился и зачеркнул. Ниже написал помельче: «Примерка». Почему «примерка» — он сам не понял, но менять название уже не стал.

Ян начал писать: про дождь, фонари, тени, которые потекли, будто кто-то потянул их за край. Про щупальца, обвившие горло и грудь. Про дверь в подвал и табличку «ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ». Про мохнатое существо, похожее на гуся в шубе. Про слово «Эгениум», которое до сих пор холодящим эхом отзывалось внутри.

Когда дошёл до ритуала — пять ступенек, пять разворотов через левое плечо, фраза «Не друг, не враг, не сам пришёл, не сам ушёл», рука замедлилась.

На бумаге всё это выглядело как бред. Как будто кто-то изнутри его головы решил устроить конкурс на самую странную историю.

В углу страницы сам собой появился маленький рисунок: коридор, уходящий в темноту, на стене — табличка, крошеч-

ная фигурка с вытянутой шеей и фонарём на груди.

Ладонь снова зачесалась. Он перевернул руку, внимательно посмотрел на лист. Тот будто подрагивал, как живой. «Гугл всё знает», — мрачно решил Ян и вытащил из кармана телефон.

«Красный след на руке в виде листа» — вбил он в поисковик. На экране тут же появились медицинские сайты с пугающими словами, пара форумов, где делились фотографиями непонятных сыпей, и один странный пост: «Лист на коже — метка дорожника?» с мутной картинкой и нулём комментариев.

Ян пролистал, закрыл.

«Эгениум» — набрал он.

Появился один химический термин, статья на английском про какое-то соединение и фанфик с названием «Эгениум: тёмный принц». Ничего, хоть отдалённо напоминающего вчерашнюю тьму.

«Дережбендель».

Пусто. Только красная строчка сверху: «По вашему запросу ничего не найдено. Может быть, вы имели в виду...» — и список слов, похожих по набору букв.

— Нет, — тихо сказал Ян. — Я, похоже, имел в виду ровно это.

Он ещё немного потыкал в экран, но чем дальше, тем

больше всё превращалось в шум. В конце концов Ян швырнул телефон на кровать и уставился в потолок. «Если бы это был сон, — подумал он, — мозг выдал бы мне хоть пару совпадений. А так...»

Рука продолжала пульсировать.

Ночью Яну снилось, что он посреди площади. Вокруг поднимались дома — белые, с узкими окнами. Половина фасадов была залита мягким золотистым светом, другая — утопала в густой, почти чёрной тени. Граница света и темноты проходила точно посередине, как в его рисунках.

Где-то высоко, на одной из крыш, он увидел знакомый силуэт — тонкая фигурка, сидящая, свесив ноги. Это он сам. Или кто-то очень на него похожий.

Вдалеке, за шпилями и крышами, мерцало что-то округлое и тёплое — как маленькое солнце, завёрнутое в кокон. К нему тянулись тонкие нити. Некоторые были светлыми, почти прозрачными, другие — чёрными и тяжёлыми.

Ян сделал шаг вперёд, и мокрые камни под ногами тихо скрипнули. Только сейчас он заметил, что тоже идёт под морозящим дождём, как вчера вечером. Капли не падали, а как будто возникали из воздуха и сразу впитывались в камень.

На углу ближайшего дома, там, где тень переходила в свет, кто-то шевельнулся. Мохнатый силуэт, хромая, вышел из-за угла и, не поднимая головы, направился куда-то вглубь улиц. На груди у него тускло покачивался знакомый шар-фонарь.

«Эй!» — хотел крикнуть Ян, но голос застрял в горле. Он только открыл рот — и в этот момент зазвенел будильник.

Он рывком сел на кровати. Сердце колотилось, как после бега. Комната выглядела совершенно обычно. Лист на ладони никуда не делся, даже стал чуть ярче. Ян медленно выдохнул.

— Ладно, — тихо сказал он в пустоту. — Будешь кино крутить — я хоть запишу, о чём оно.

Он подтянул к себе тетрадь, на обложке которой криво значилось «Примерка», и начал писать.

Глава 5

Следующие пару дней Ян жил так, как будто балансировал на тонкой верёвке над пропастью. С одной стороны — школа, домашка, «не опоздай», «убери за собой тарелку», уроки, Сева. С другой — подвал, лист на руке, Дерезбендель и слово «Эгениум», которое крепко врезалось в память.

Он честно записывал сны в «Примерку». Сначала предложения выходили корявыми, обрывались на полуслове. Иногда он просто рисовал — куски улиц, фонарь на груди у мохнатого существа, дом, перерезанный пополам светом и тенью. Потом всё равно зачеркивал и подписывал: «Бред».

Лист на руке тем временем никуда не исчезал. Он то бледнел до почти незаметного, то вдруг снова наливался красным, стоило вспомнить влажные коридоры подвала или голос Дерезбенделя.

На алгебре учительница опять стучала мелом по доске, выводя формулу за формулой. Сева героически делал вид, что понимает тему, хотя уже третий раз спрашивал шёпотом:

— Это вот тут икс или игрек?

— Сева, у тебя там уже весь алфавит, — прошипел Ян. — Пиши, я потом объясню.

«Побрить бы тебя налысо, посадить в пустую комнату без вайфая и смотреть, что ты тогда будешь делать», — усталая злость качнулась внутри, как тяжёлый маятник.

Образ возник сам собой: Сева в той самой комнате, без телефона, без смеха, в тишине. Лицо у него не весёлое, а растерянное.

Ян поймал себя на том, что сжимает ладонь в кулак — так сильно, что лист на коже снова кольнуло, будто туда воткнули иголку. Он разжал пальцы под партой. Контур стал ярче.

«Сам Эгениума позвал», — всплыло в памяти ворчание Дерезбенделя.

Ян резко выдохнул и уставился в окно. В нём отражался кабинет — головы одноклассников, рука Мии, что-то записывающей в тетради, силуэт учительницы. И среди них на секунду показалось что-то тёмное, будто чёрная капля стекла вниз по стеклу. Он моргнул — и капля исчезла.

На истории Ян снова чуть не уснул. Голос учительницы тянулся как тёплый мёд. Где-то между словами «империя», «реформа» и «партия эсеров» он вдруг услышал другой звук — скрежет, как если бы кто-то провёл гвоздём по стеклу.

Он повёл плечом, скинул это ощущение, но оно вернулось — теперь уже как тонкий шёпот прямо возле уха. Ян напрягся, вцепился в край парты.

— *Ян*, — вдруг прозвучало отчётливо.

Он дёрнулся и вскинул голову, ожидая увидеть перед собой учительницу. Но та продолжала клацать мышкой, переключая слайды презентации. Никто на него даже не смотрел.

— *Ян*, — повторил тот же голос. — *Не спи.*

«Ты что, голосов теперь себе завёл?» — попытался он пошутить мысленно. Но смешно не было.

Ян незаметно для себя начал рисовать на полях: тонкие нити, тянущиеся к силуэтам, сидящих в классе. Когда прозвенел звонок, тетрадь в его руках выглядела так, словно по ней кто-то прошёлся паутиной.

После уроков он сказал Севе, что задержится по делам, и пошёл не домой, а туда, где накануне его почти задушили собственные тени.

Днём этот двор выглядел совершенно обычным. Подвал, в который он тогда нырнул, оказался частью длинного цоколя жилого дома. Металлическая дверь была плотно закрыта, на ней висел навесной замок, краска облезла.

«Вот и вся магия», — мрачно подумал Ян и дёрнул за ручку. Бесплезно. Замок даже не дрогнул.

— Эй, ты чего там? — раздалось сбоку.

Ян вздрогнул. Из подъезда вышел невысокий мужчина. Судя по виду — дворник.

— Закрыто же, не видишь? — мужчина прищурился. — Тебе туда зачем?

— Да я... — Ян судорожно искал приличную версию. — Мяч закатился тогда. Думал, может, найдётся.

— Мяч, — фыркнул дворник. — Там одни трубы и мыши. Иди-ка отсюда, футболист. Подвал аварийный, давно закрыт. Не видишь, что тут написано? Опасно для жизни.

Последнюю фразу он произнёс почти тем же тоном, каким это было написано на табличке. Ян опустил глаза, пробормотал: «Понял» — и отошёл.

Он обошёл дом по кругу, на всякий случай заглядывая в другие проёмы, но нигде не было ни приоткрытых дверей, ни странных теней, ни мохнатых гусей в шубах.

— Да... вот твои будущие экзамены и вот твой институт... — вздохнул он.

Ладонь снова зачесалась. Он сжал кулак и пошёл к оставке.

Дома первым делом проверил руку. Лист на месте. Живее всех живых.

Ян сел за стол, открыл «Примерку» и долго смотрел на чистую страницу. В голове, путаясь, смыкались две линии: сегодняшняя история с голосом и вчерашний сон про площадь и кокон. «Если я всё это запишу, оно станет хоть чуть-чуть более настоящим», — подумал он. И вдруг понял, что этого и боится.

Отложил ручку, взял карандаш и вместо слов начал рисо-

вать: класс, ряды парт, упрощенные фигуры одноклассников — головы-круги, туловища-палочки. От трёх-четырёх фигур тянулись тонкие тёмные нити к одной точке где-то за краем листа.

Когда он стёр эту точку ластиком, карандаш сломался пополам. Ян выругался сквозь зубы и полез в пенал за другим.

Вечером, пока мама с Алексеем обсуждали что-то в соседней комнате (слова «анализы», «врач сказал», «недостаток» долетали приглушённо), Ян снова открыл ноутбук. На этот раз он решил искать не по словам, а по картинкам. Нашёл сайт, где можно было загрузить рисунок и найти «похожие мотивы». Он сфотографировал свой дом — наполовину в свете, наполовину в тени — и отправил.

Сайт подумал, помельтешил — и выдал десяток чужих картинок. В основном это были абстрактные штуки, пара готических замков, одна фотография старого санатория на берегу моря с подписью: «Бывший детский лечебный корпус. Закрыт. Вход воспрещён. Аварийный объект». Санаторий был белым, облупившимся, с длинной тенью, падающей от него на землю. На одном из снимков виднелась узкая лестница, ведущая вниз, к полутёмному входу в цоколь.

Сердце у Яна ухнуло. Он увеличил фотографию. Табличка над дверью была слишком размытой, чтобы прочесть, но форма и место казались до боли знакомыми. «Что там мама однажды рассказывала?... Крым, санаторий, лестница, куда нельзя спускаться...»

Он сохранил снимок в отдельную папку, сам не зная зачем.

В этот момент в школьном чате всплыло новое сообщение от классной: «Родители и ребята, добрый вечер! На осенние каникулы школе предлагают путёвки в Крым. Завтра на классном часе всё расскажу».

Внутри у Яна что-то дёрнулось. На экране по-прежнему был облупившийся санаторий с лестницей в полутёмный вход. В телефоне мигало слово «Крым».

— Ян, — позвала из кухни мама. — Пойдёшь пить чай?
— Сейчас, — ответил он, не отрывая глаз от фотографий.

В левом нижнем углу монитора привычно мигнули новые уведомления — Сева уже накидал в чат мемов про «класс в Крыму», народ уже сыпал довольными эмодзи и стикерами.

Ян вздохнул, закрыл глаза и на секунду прижал ладонь с пульсирующим листом к груди. Ему вдруг очень захотелось, чтобы всё это оказалось бредом: неловким, странным, но не серьёзным.

Но ладонь жгло. И где-то на границе слуха всё ещё звенел чужой шёпот: «*Не спи*».

Глава 6

В большом сером зале не было окон. Свет появлялся сам по себе — из трещин в каменном полу, из тонких линий, пересекающих стены, из мягкого мерцания коконов, свисающих с потолка.

Коконов было много. Одни — почти прозрачные, лёгкие, как мыльные пузыри. Другие — плотные, тусклые, обвитые чёрными нитями так густо, что не разглядеть, что внутри.

Между ними шевелились тени. Они не походили на человеческие — скорее на силуэты от одежды, снятой с невидимых людей: плащи без тел, куртки без рук, пальто без хозяев. Они перебирались с места на место, шуршали, шептались, рассматривая то, что вдруг появлялось из ниоткуда вначале как мерцание воздуха, а затем постепенно приобретая свои очертания.

— Ещё один, — прошелестела одна из теней, похожая на длинное пальто. — Интересно, что там за история. Может быть, мы в этот раз успеем к главному моменту. Надо успеть занять лучшие места.

Тень стекла тонкой струйкой мрака и заскользила вдоль пола, обогнула пару колонн, юркнула в проём между стен. Там, за створками, начинался другой зал — поменьше, с низким потолком. По центру стоял куб. Не каменный, не стеклянный — скорее слепленный из слоёв плотной тени. Сквозь него всё же что-то просвечивало, как через толстый лёд.

Внутри сидела фигура. Сначала казалось, что это просто сгусток мрака в темноте. Но если всмотреться, можно было различить очертания: человек, сидящий за столом, он что-то писал. Вдруг его плечи затряслись, не то от плача, не то от смеха.

С верхней грани куба, словно из потолка, свисали сотни

тонких нитей. Одни — почти прозрачные, светлые. Другие — мутные, тяжёлые, с серыми узелками. Потоки шли отовсюду — откуда-то сверху, из ещё более тёмной высоты.

Некоторые нити уже впились в плечи и грудь фигуры внутри куба. Отсюда казалось, что это просто тени от чего-то наверху.

Тени, которые уже скопились вокруг куба, шептались:

— Он плачет или смеётся? — спросила только что подплывшая тень.

— Смеётся, — прошуршала соседка.

— Смехом прикрывает пустоту, — согласилась другая. — С такими проще. Их не жалко.

— Не жалко, — эхом повторил кто-то в углу. — Он сам не жалеет. Удобный корм.

Откуда-то сверху, из темноты, спустилась более толстая, чем остальные, нить. Пару секунд она висела прямо над кубом, как капля перед падением, а потом мягко опустилась и прилипла к макушке фигуры внутри.

Тень-пальто тихо шепнула соседу:

— Мне сказали, что тот, который рисует, очень сильно захотел закрыть кого-то в пустой комнате.

— Не кого-то, а друга, — отозвалась тонкая, обрывочная тень, похожая на шарф.

— А... Ну тогда это будет интересно, — прошелестела первая.

Где-то за пределами зала, далеко-далеко, словно из другой

комнаты, донёсся глухой звук — почти как удар сердца. Все нити разом дрогнули.

— Ещё рано, — вздохнула одна из теней.

— Но уже кормит, — напомнила другая. — Пусть дольше думает, что он ноль, и рисует свои рисунки. С такими проще.

В углу, почти сливаясь со стеной, шевельнулось нечто тяжёлое и огромное. Оно не показалось полностью — только край, как если бы из воды на миг вынырнуло не всё существо, а его тень.

Голос, в котором было слишком много чужих интонаций, произнёс:

— Он мой! Он мое порождение, и он наш путь к источнику!

Тени вокруг почтительно притихли. По их рядам прокатился тихий шелест:

— Эгениум...

— Молчать, — приказал голос, и тишина стала плотнее. — Он не принял Суть и пока опасен. Но он будет здесь. Я это чувствую!

Нити над кубом еле заметно натянулись. Фигура внутри вздрогнула и чуть согнулась, словно кукла вуду, в которую воткнули первую иглоку. Пара невидимых волос, оторвавшись, осела на пол внутри куба.

По полу прошёл рябью слабый, едва различимый свет, как если бы где-то погас ещё один маленький фонарик. Одна из более светлых нитей померкла и стала серой.

— Видите? — зазвучал шипящий голос, и огромная тень проползла над потолком зала, взбираясь на куб и вглядываясь во внутрь. — Да, я чувствую это. Он ещё не знает, но он уже начинает вставать на путь. Мы будем ждать. Уже недолго.

И тень растворилась, оставив за собой туманный шлейф. Остальные тени зашуршали одобрительно.

Фигура в кубе снова дёрнулась. Если бы кто-то смотрел на неё снаружи сейчас в другом месте, увидел бы: парень за партой машинально всё чаще трогает волосы на затылке. На школьном пиджаке остаётся всё больше тёмных прядей.

— Пойдём? — прошептала одна тень другой. — Он сказал, что время ещё не пришло. В прошлый раз мы тоже думали, что скоро. А пришлось ждать долго. Неизвестно, захочет ли тот, кто рисует, переступить черту.

— Согласен, — в голосе другой тени скользнула нотка разочарования. — Напитаться и перестать быть прозрачными, похоже, мы сможем нескоро.

— Да уж. Он пока не решил, чего хочет на самом деле, — вмешалась другая тень.

Они стали расползаться по своим углам. Кто-то забирался в щель, кто-то устраивался на опустошенном коконе. Тени засыпали, в ожидании новых историй, которые их кормили и давали возможность вновь стать телесными. Это было их главным желанием: вернуться туда, где они когда-то были. Правда, где это, никто из них не знал, и сколько они уже тут

— тоже. Здесь не было памяти, это было место забвения, где все, что было дорого и важно, растворялось, становясь чьим-то кормом.

Нити над кубом ещё какое-то время шевелились, как трава на ветру, затем успокоились. Фигура внутри притихла, опустив голову.

Где-то далеко-далеко, в другом мире, где есть будильники, кофейные автоматы и школьные чаты, один человек в это время писал в тетради странное слово, которое ещё не умел произнести вслух.

Глава 7

Где-то между светом и тенью, там, где лестницы никогда не заканчивались, а коридоры могли закручиваться сами в себя, жил ДЕРЕЖБЕНДЕЛЬ. Во всяком случае, он так говорил.

Его нора, если это можно было так назвать, напоминала сразу кладовку, антикварную лавку и склад забытых вещей. На полках стояли банки с чем-то, что больше всего походило на засушенные воспоминания: внутри поблёскивали крошечные картинки — чьё-то лицо, обрывки улиц, буквы. В одном углу валялись связки ключей, которые давно уже ничего не открывали. В другом громоздился шкаф-картотека, как в старых библиотеках. На ящиках были криво наклеены ярлыки: «НЕ ВСПОМНИЛОСЬ», «НЕ ДОГОВОРЕНО», «НЕ ДОЖИЛОСЬ». А в них в алфавитном порядке хранились карточки.

Посреди всего этого стоял странный предмет — что-то среднее между калейдоскопом и подзорной трубой. На длинном скрипучем штативе висел круглый барабан, набитый тонкими стеклянными пластинками. Если покрутить его, пластинки менялись местами, складываясь в новые сочетания.

Дережбендель как раз и крутил его лапой — аккуратно, но нервно.

— Не то, не то, — бурчал он себе под нос. — Это слишком рано, это слишком поздно, это вообще не отсюда...

На очередном щелчке в одном из маленьких стеклянных оконце проступило изображение: знакомый дом, наполовину — в свете, наполовину — в тени. На крыше — крохотная фигурка. Внизу — контуры женщины с животом и мужчины без лица.

— Вот, — облегчённо фыркнул Дерезбендель. — Нашёл-ся, рисователь.

Он наклонился ближе. В другом окошке, чуть правее, появилось лицо Яна — серьёзное, нахмуренное. Он сидел за столом, что-то писал в тетради, потом зачёркивал и дорисовывал на полях паутину из нитей.

— И как у тебя ещё рука не отвалилась, а? — пробормотал Дерезбендель. — Я ему что говорил? Записывать, смотреть, думать. А он сразу — нити, дыры, коконы. Тьфу!

Сбоку послышалось шуршание. В проёме окна появилось ещё одно существо — с мордочкой, похожей на смятую

плюшку, с длинным сморщенным носом и двумя огромными глазами-пуговицами.

— Ну что? — не то хрюкнуло, не то пискнуло оно. — Как всё прошло? Ты его нашёл? Всё рассказал? Теперь всё хорошо?

— Нашёл. Успел в самый последний момент его из-под носа Эгениума утащить.

— Ого, да ты герой! Ну давай, показывай его, ты же не будешь его прятать от своего лучшего друга?

— Чего прятать? — не понял он.

— Ну этого, рисователя своего, которого ты спас. Ты же нас познакомишь?

— А... Горе мне, горе, — запричитал Дерезбендель, и его неповоротливое на вид тело заколыхалось от стенаний.

— Что случилось? Ты его потерял? — взволнованно пропищало существо в окне.

Дерезбендель продолжал приговаривать: «Я бестолочь», «Я нерадивое создание», «Зачем меня только на этот свет породили» и что-то ещё в том же духе.

— Ты его забыл? — в ужасе прошептал Бендежбель. Именно так звали существо, которое смотрело сейчас на Дерезбенделя глазами, которые округлились так сильно, что, казалось, готовы выползти за край его лица.

Дерезбендель удручённо махнул головой в знак согласия.

— Не забыл, — чуть обиженно произнёс он, сильно хлопнув носом. — Я отвлёкся. Это разные вещи... Но, если чест-

но, я забыл. Не его, — поспешно добавил он, — я забыл ему самое главное рассказать. Но у меня есть оправдание! — встрепенулся Дерезбендель. — Он всё время болтал, прям как ты, сбивал меня с мысли. И вот я всё забыл... Что делать теперь, что делать? — он стал суетливо перемещаться по комнате. — Всё пропало, всё пропало, друг мой, Бендедебель.

Дерезбендель подошёл к трубе и повернул барабан. В следующем стёклышке Ян сидел в классе, сжимая кулак под партой.

В соседнем окошке вспыхнуло лицо Эгениума — не целиком, а обрывками: то глаз, то рот, то провал вместо щёки. И рядом — куб с фигурой, которую тени уже обсудили.

— Видишь? — Дерезбендель ткнул в стекло лапой. — Вот это он. Рисует и даже не догадывается, куда все эти линии стекают. А я ему... — Дерезбендель на секунду замаялся. — Сначала вытащил, потом объяснил, что нельзя дальше. Потом он побежал, потом тени, потом двери... В общем, обстоятельства.

— Но тогда нужно что-то делать, — констатировал Бендедебель.

— Да, как я не подумал-то, — радостно вскрикнул Дерезбендель. — Сейчас напомним. Если успею.

Он ещё раз дёрнул палку. Картинка дрогнула, Ян в стекле наклонился над тетрадь, рука с карандашом дрогнула.

Дерезбендель вытянул шею, почти уткнувшись клювом в

стекло.

— Слушай сюда, рисователь, — пробормотал он, как будто Ян мог его услышать. — То, что ты чертишь, не просто рисунок. Это дорожки. Опасные дорожки. Понял?

Он аккуратно стукнул по ободу калейдоскопа.

Где-то далеко, над совсем другим столом, Ян вдруг ощутил, как рука от неожиданного толчка соскальзывает, линия на рисунке ломается, а карандаш чуть не падает на пол.

— Чёрт, — выругался он, подхватывая его.

Бендежбель довольно хихикнул.

— Получилось! Он дёрнулся!

— Он дёрнулся, — задумчиво согласился Дерезбендель.
— А вот поймёт ли — другой вопрос.

Он ещё раз посмотрел в стекло. Там Ян сидел неподвижно, уставившись на испорченную линию. На полях тетради с нитями вместо тонкой паутины образовалась толстая, грубая черта, перечёркивающая одну из фигур.

— Ладно, — проворчал Дерезбендель. — Может, рано ещё, не чувствует он... Главное — чтобы поздно не было, как в прошлый раз.

Он щёлкнул переключателем, калейдоскоп затарахтел и погас. Полдень был тем самым временем, когда все истории распределялись по своим ящичкам, а самые интересные начинали мягко светиться, и странные приятели, забравшись на мягкие огромные подушки, могли до вечера наблюдать за тем, что происходило где-то в другом мире.

Мия сидела на подоконнике с открытой тетрадкой и что-то сосредоточенно чертила. Она даже приоткрыла чуть рот от усердия, отчего напоминала какое-то мультяшного эльфа. Слегка увеличенные уши, заправленные за них золотистые волосы, большие глаза — всё в ней казалось Яну каким-то сказочным.

— Тебе чего? — она подняла глаза, почувствовав на себе его взгляд.

— Ничего, — буркнул Ян и собрался уже уйти, как вдруг услышал:

— Хочешь посмотреть, что я рисую?

— Угу, — буркнул он и почувствовал, как сердце радостно отозвалось.

— Только ты свои тоже покажешь, ок?

— Ок, — выдохнул он.

— Ты первый, — хитро прищурилась Мия, ладонью накрыв тетрадь.

Ян достал из рюкзака свою и протянул ей.

— Ой, а что это?

— Что?

— Вот это, — она кивнула на открытый рисунок. — У тебя было всё такое... аккуратно закрученное. А тут — бах! Как будто кто-то сверху решил всё перечеркнуть.

— Я просто... Рука дёрнулась, — пробормотал он.

— Угу, — Мия чуть склонила голову. — Как-то странно она дёрнулась. А ты давно так рисуешь?

— Не знаю, — Ян неопределённо пожал плечами. — Всегда.

— А что это за дом? — она дотронулась пальцем до знакомого контура наполовину в тени. — Он же у тебя везде один и тот же.

— Обычный, — слишком быстро ответил он. — Мой. Чужой. Смешанный.

Мия хмыкнула.

— Интересная у тебя «примерка», — тихо сказала она, глядя на рисунки. — Ты кому-то показывал?

— Нет, — Ян резко захлопнул тетрадь. — Это... для психолога.

— А, — она подняла руки, сдаваясь. — Ладно. Не буду нарушать твои границы и лезть в твою голову.

Она открыла свою тетрадь рядом. На полях у неё действительно жили мелкие, нервные рисунки: травинки, волнистые линии, маленькие домики с круглыми окнами.

— Я тоже иногда, — она кивнула на свои каракули, — рисую, чтобы не кричать.

Ян не успел ответить — по коридору шла классная. Проходя мимо, она махнула рукой:

— Зонова, Стрелецкий, давайте в класс.

Она толкнула дверь в кабинет и, громко хлопнув в ладоши, объявила:

— Так, народ, оторвались от телефонов. У меня для вас хорошие новости.

Кто-то сразу застонал: «Опять контрольная?», кто-то зашептался, кто-то даже сделал вид, что радуется. Но все при- молкли.

— Как вы уже знаете, мы едем в Крым. Сегодня я расска- жу подробности о поездке. Воздух, экскурсии, спорт, подго- товка к экзаменам. Это не просто отдых, это ещё и шанс про- вести время вместе, чтобы потом вам было что вспоминать на выпускном из средней школы.

Класс загудел. Сразу полетело с разных сторон:

— А это платно?

— А нас пустят купаться?

— А можно не ехать?

— А интернет там есть?

Классная подняла над головой стопку белых листов:

— Вот здесь — информация для родителей и заявления. Раздаю, вы дома всё обсуждаете, приносите с подписями. Количество мест ограничено: не поедем мы — поедет дру- гой класс, желающих много, так что думайте быстро. Но я очень рекомендую. Свежий воздух, смена обстановки, мозги лучше работают.

Сева громко произнёс:

— Слышал, да? Путешествие, а не алгебра! Мы обязаны туда поехать.

«У него полный завал по всем предметам, а он про по-

ездку. Хорошо, когда предки за тебя решили всё и институт проплатят, а тут корячиться ещё два года, и неясно, попадёшь на бюджет или нет», — мрачно подумал Ян, но внутри всё равно чуть качнулось. Санаторий на берегу. Лестница вниз. «Бывший детский лечебный корпус. Закрыт. Вход воспрещён».

У него по спине пробежал тонкий холодок, в животе на секунду муторно перевернулось, как будто он уже когда-то там был и забыл.

После собрания Сева шёл рядом с Яном и восторженно продолжал:

— Представляешь: мы, Крым, каникулы. Скорее всего, весь класс поедет. Даже отличница Егорова. А если я туда не поеду, то официально объявлю себя жертвой системы.

— Ты и так её жертва, — Ян невольно усмехнулся.

— Тем более, — с достоинством кивнул Сева. — Кстати, — он почесал затылок и поморщился. — Слушай, у меня, по ходу, стресс.

На ногтях у него осталась пара коротких тёмных волосков. На вороте пиджака Ян заметил ещё несколько — словно кто-то прошёлся по нему рукой и не дочистил. Волосы были какие-то не такие — чуть длиннее и темнее, чем у Севы, как будто чужие.

— Волосы лезут, — трагическим тоном сообщил Сева. — Я, наверное, старею. Скоро буду, как дядя Коля из соседнего подъезда: сверху — лысина, снизу — живот. Ты же оста-

нешься моим другом, когда я стану таким?

Шутка была в его стиле, но Ян вдруг очень ясно вспомнил куб, тени и слова: «Пустить в пустую комнату, без вайфая». В груди что-то свело.

— Может, просто шампунь сменить надо, — выдал он. — И голову иногда мыть.

— Очень смешно, — обиделся Сева, но тут же снова заулыбался. — Ладно, шутник, давай ближе к делу. Ты в Крым поедешь?

— Не знаю, — протянул Ян. — Вроде круто, но ты же знаешь, мать бебика ждёт, Алексей если денег даст, то поеду, наверное. Но мне вроде в школе всей этой тусовки хватает, чтобы ещё с ними куда-то тащиться.

Дома мама встретила его с тем самым листком-информированием в руках.

— Нам сегодня про поездку рассказали, — опередил он её.

— Знаю, — она подняла лист. — Уже в родительский чат скинули. Крым, санаторий, море. Осенние каникулы.

В голосе у неё смешались желание и тревога.

— Ты хочешь? — спросила мама.

Ян пожал плечами.

— Не знаю. Все, кажется, поедут.

— «Все» — это аргумент, — она слабо улыбнулась. — А ты сам?

Ян посмотрел на её живот. Он уже был не просто круг-

лым, а ощутимо чужим, будто отдельным. Где-то внутри шевелился тот, о чьём «несуществовании» он совсем недавно мечтал.

«Если уеду — вдруг что-то случится, — мелькнуло в голове. — Если останусь, всё равно ничего не изменю».

— Думаю, да, — сказал он вслух. — Я... наверное, хотел бы поехать.

Мама выдохнула, как будто ждала этого ответа.

— Хорошо. Мы тогда обсудим с Алексеем, сможем ли это себе позволить. — Она пыталась выглядеть спокойной, но в глазах всё равно отразилось беспокойство.

Ночью, уже засыпая, Яну показалось, что он непонятно откуда помнит калейдоскоп, которого никогда не видел; тени, о которых не знал; куб, в котором сидит человек в паутине из нитей. А ещё он тихо прошептал: «Дережбендель», вспоминая смешную фигуру странного существа, и провалился в крепкий сон.

С утра чат класса уже привычно гудел: «Крым, мы едем!», гифки с морем, тупые шутки про «экзамены под пальмами».

Ян смотрел на всё это и сжимал ладонь, где пульсировал тонкий красный лист. «Похоже, все едут, даже ботаники. Ладно, посмотрим, кто как себя ведёт в реальных условиях, а не под колпаком школы и родителей», — подумал он.

«Твои мысли и действия имеют вес», — всплыла следом фраза. Ян поморщился: не его формулировка. Слишком умная, слишком взрослая. Слишком... чужая.

Он не знал, что в это время в сером зале тени тоже видят сны и ждут нового представления.

Глава 8

Ян не мог понять, где он — в комнате или в том самом городе, где лестницы никогда не заканчивались. Он потёр глаза, похлопал себя по щекам, стараясь окончательно проснуться.

С кухни доносился приглушённый гул голосов. Мамин — мягкий, Алексея — более резкий.

— Говорю же, давай я сам поеду. Зачем тебе в твоём положении мотаться?

— У меня приём, Лёш, — отвечала мама. — И анализы забрать... Я не могу всё время это переносить.

Ян перевернулся на спину, уставился в потолок. Это стало уже привычкой — смотреть на трещину на потолке. Сегодня ему на секунду показалось, что чёрная линия чуть-чуть шевельнулась, как живая. Он моргнул — трещина стала снова просто трещиной. «Это обычная штукатурка, перестань придумывать детские страшилки», — сказал он себе и, не вставая, открыл чат в телефоне.

Сева уже успел отписаться.

СЕВА:

«Брат, спаситель мой, ты не забыл, что обещал мне показать по алгебре? Иначе я труп».

Ян поморщился. Вчера он действительно что-то такое

обещал. После той сцены с самостоятельной, на которой Севу спалили на списывании, когда пришла директриса. Он честно хотел вчера вечером сесть и объяснить Севе пару примеров, но вместо этого завалился на кровать «на пять минут», залип в телефон, поторговался с самим собой, полистал что-то про игры, потом — мемы. И внезапно уснул. Проснулся уже ночью, с ощущением, что только что разговаривал с кем-то в странном, полном тумана месте. Но подробностей не помнил.

«Пообещал — забыл. Нормально», — язвительно заметил внутренний голос.

Он выбрался из кровати и пошёл в ванную. На зеркале всё ещё висела мамина записка в виде магнита: «Зубы — да. Телефон — потом. Я тебя люблю».

Ян каждый раз чуть улыбался, когда её видел. Что-то из его детства продолжало радовать.

На кухне обсуждали поездку:

— Яна надо отправить, — говорила мама. — Он за лето никуда толком не выезжал.

— Да я не против, — вздохнул Алексей, — но ты же понимаешь...

— Понимаю, — перебила мама. — Поэтому давай не будем обсуждать это при нём, ладно?

Ян тихо взял со стола булку, сделал вид, что ничего не слышал, и уже собирался уйти.

— О, проснулся, — мама улыбнулась. — Как ты?

— Норм, — буркнул он. — Я побежал, а то опоздаю.

— Ян, подожди, — мама порылась в сумке. — Я вчера не успела... Пообедай в школе.

Она достала кошелёк, открыла. Внутри было несколько купюр. Ян поймал себя на том, что смотрит туда чуть дольше, чем надо. Мысль сама всплыла: «Было бы круто, будь у меня свои деньги. Не вот это — “на обед”, а нормальные. Шмот, игры, поездки. Я бы жил в ОАЭ, снимал видосы, купался в бассейнах... А они тут экономят на маршрутке».

Мама вытащила пятьсот рублей.

— На сегодня хватит?

Он пожал плечами.

— Ага.

— Ян, — она задержала на нём взгляд, — давай так: если тебе нужно что-то ещё, ты скажи. Я не обещаю, что всё купим, но лучше говорить, чем...

«...чем ты стащишь из кошелька», — сам додумал Ян и тут же разозлился.

— Знаю, — буркнул он. — Мне ничего не надо.

Он сунул купюру в карман и вышел, так и не сказав, что в телефоне у него уже открыты вкладки «как заработать на играх» и «профессия гейм-дизайнер, зарплаты».

По дороге в школу Ян поймал себя ещё на одной мысли: «Вот если бы у меня были деньги... Я бы точно не жил, как они. Не таскал бы пузо по поликлиникам, не работал бы сутками за копейки. Я бы делал игры, вёл стримы, меня бы

смотрели, я бы уехал...»

От этой мысли стало одновременно сладко и гадко. Он отмахнулся.

В классе уже гудели: обсуждали Крым, кто с кем в комнате, какие там видосы можно будет снимать. Сева, разумеется, был в центре событий.

— Во! Вот он, герой, от которого зависит моя судьба, — объявил он пафосно, заведя Яна. — Ты принёс мне спасение?

— Чего? — Ян не сразу сообразил.

— Ну, примеры. Разбор. Путёвку в светлое будущее.

Ян поморщился.

— Я вчера... — он хотел сказать, что уснул, но это почему-то звучало слишком жалко. — Короче, не успел. Сегодня после уроков могу.

«Говорил, — отозвалось внутри. — Но это же не моя обязанность. Я и так вечно за всех».

— Короче, Сева, я сам не гений, — огрызнулся он. — У меня свои дела.

— Какие? — искренне удивился Сева.

Ян ощутил, как кровь прилила к лицу. «Такие, из министерства не твоих собачьих дел, — хотел выплюнуть он. — Это мои сны, мои рисунки, мой грёбаный Эгениум, о котором ты ничего не знаешь».

— Да ну тебя, — бросил он. — Разберёшься как-нибудь.

— То есть всё? — Сева поднял брови. — Я думал, ты мне

друг.

Слово «друг» прозвучало неожиданно тяжело. Внутри у Яна щёлкнуло что-то совсем не про алгебру.

На уроке он почти ничего не слушал. В тетради вместо формул сами собой выводились кривые линии, квадраты, башни. Между ними — тонкие ниточки. В одном углу нарисовался маленький человечек с криком «СПАСИТЕ!», стоящий на шаткой конструкции из прямоугольников, словно это был картонный домик.

После последнего урока классная, как и обещала, провела очередное собрание по Крыму. Бумажки, подписи, фразы: «Такая возможность, дети, не у всех бывает...» Ян слушал вполуха. Мысли разъезжались: мамин кошелек, турбаза у моря, подвал с лестницами. Эгениум, который шепчет чужими голосами.

Когда всех отпустили, коридор начал стремительно пустеть. Ян уже собирался уйти, когда почувствовал, что кто-то схватил его за рукав.

— Ян, стой. — Сева выглядел не как обычно. Без привычной дурашливой улыбки, даже волосы лежали как-то неряшливо. — Ты сейчас куда?

— Домой, — пожал плечами Ян. — А ты?

— Меня мать к репетитору тащит. Говорит, если ещё раз попаду, она сама сядет вместо меня за парту, — Сева передразнил материн голос. — Ян, я серьёзно... Я вообще не шарю в этих уравнениях. Можно хотя бы... Объясни мне одну

штуку, а? Ну, хоть одну.

Ян закатил глаза. В голове всплыло: «Поможешь — останешься “хорошим мальчиком”, который всем должен. Не можешь — пусть тонет, не твоя проблема». Он почувствовал, как где-то внутри что-то сыто шевельнулось: да, да, отталкивай его, не вмешивайся.

Ян стиснул зубы.

— Ладно, — выдохнул он. — Давай так: сейчас быстро покажу тебе один пример. Но не жди, что я буду за тебя всё решать.

— Договорились! — Сева тут же ожил.

Они сели на подоконник в пустующем коридоре. Ян достал тетрадь.

— Вот это переносим сюда. Вот это сокращаем. Нет, тут не так, смотри.

Сева пару раз начинал нить, пару раз пытался пошутить, но в какой-то момент замолчал и уставился в тетрадь всерьёз.

— Слушай, — сказал он, — я правда тупой. Но так... ну... чуть меньше тупой.

— Не тупой, — неожиданно для себя ответил Ян. — Ты просто никогда не делаешь ничего до конца.

— Ого, психолог, — отозвался Сева, но без обиды. — Ладно, спасибо. Я попробую. Честно.

«Ну да, честно, как всегда», — скривился внутри Ян.

Дома пахло супом и чем-то лекарственным. Мама лежа-

ла на диване, подложив под спину подушки. Телевизор был включён, но ведущие шоу открывали рты беззвучно.

— Как ты? — спросил он, разуваясь.

— Как корова на льду, — попыталась пошутить мама.

— Может, я схожу за чем-нибудь в магазин? — спросил Ян, сам не веря, что это он сейчас сказал.

— О, это было бы прекрасно. — Мама приподнялась. — Мне нужно ещё пару вещей к ужину. Список на холодильнике.

Ян кивнул. По пути на кухню бросил взгляд на её сумку, брошенную на стул. Кошелёк торчал почти открытым. Стоило только протянуть руку — и у него были бы не пятьсот рублей «на обед», а сразу парочка купюр. И никто, может быть, даже не заметил бы. «У них и так всё есть. Машина, своя взрослая жизнь. Я тут как приложение. А мне — подачки на обед».

Он остановился на секунду, рука сама собой дёрнулась вперёд — и замерла. «Если я сейчас стащу — ничего же не случится. Мелочь. Даже не кража, а так... компенсация», — лениво, чужим голосом прошептало где-то внутри.

Он резко отдёрнул руку, как от кипятка.

— Ян? — Мама выглянула из-за стены. — Ты там не уснул?

— Иду, — буркнул он, снимая висевший на холодильнике список покупок.

Ночью город пришёл без предупреждения. Ян оказался на

каком-то чердаке. Доски скрипели под ногами, а всё было покрыто пылью. Посреди чердака стоял картонный домик. Точнее — целый город из картонных домиков. Рядом, на перекладине, сидел Дерезбендель, болтая короткими лапами.

— Опоздал, — заявил он.

— Куда опоздал? — спросил Ян.

— Не куда, а почему, — проворчал Дерезбендель. — Это то место, где твои «потом», «сам разберётся» и «я не обязан» строят себе этажи.

Ян нахмурился. Один из домиков стоял на самом краю. На боковой стенке криво красовалась надпись: «СЕВА».

— Раньше ты его всё время подпирал, — продолжил Дерезбендель, болтая лапами. — А сейчас злишься, сомневаешься.

— Мне что, его всю жизнь тащить? — недовольно отозвался Ян.

— А это тебе самому решать, — фыркнул Дерезбендель. — Только помни, что Эгениум тоже за тобой присматривает.

Он вдруг легко спрыгнул с перекладины и исчез в щели между досками, словно его и не было. «И не скажешь, что он такой ловкий», — подумал Ян.

Он ещё немного постоял, глядя на домики. Потом медленно протянул руку и неуверенно подвинул один, который уже почти падал. Тот качнулся, но снова встал ровно. Где-то внизу что-то зло зашипело.

Очнулся Ян с ощущением, будто всю ночь таскал тяжести.

Ладонь ныла, словно он действительно что-то крепко сжимал в руках.

На тумбочке лежала открытая тетрадь, где был нарисован человечек на шатком домике. Ян точно знал, что не рисовал этот рисунок, но всё равно взял карандаш и, немного поколебавшись, дорисовал тонкую, подпирающую его линию — доску. Так, на всякий случай.

Глава 9

На третьем уроке было особенно душно. Голоса одноклассников сливались в один липкий шум.

Ян водил ручкой по полям, лениво вслушиваясь в объяснения. В голове то и дело всплывало: «Записывать. Сразу после. Всё». Психолог на прошлом приёме смотрел поверх очков и говорил:

— Ты не бог, но и не ноль. То, что ты делаешь, и то, чего не делаешь, — это выбор. Записывай.

— Так, — объявила учительница литературы, — сейчас по парам проверим домашнее. Обменялись тетрадями, посмотрели, сделали пометки...

Началось привычное шевеление. Кто-то менялся тетрадями, кто-то делал вид, что делится, а на самом деле просто перекидывался записками.

Мия наклонилась к Яну через спинку стула:

— Я забыла концовку добить, напиши, что там всё ок.

Она говорила тихо, почти шёпотом, чтобы не привлекать

внимания.

В этот момент сосед по парте Мии Артём, высокий, постоянно ухмыляющийся пацан, громко на весь класс произнёс:

— О, Зонова опять свои шедевры пишет, небось «Война и мир» теперь отдыхают, верно, Зонова?

Прежде чем Мия успела прижать тетрадь к себе, Артём резким движением выхватил её из-под руки девушки.

— Эй! Верни! — Мия вскочила.

Тетрадь болталась в его руке, страницы хлестали по воздуху.

— А ну-ка, посмотрим, что ты там пишешь? «Я — травинка, ты — асфальт...» О, тут точно шедевры!

— Ребята, перестаньте, давайте без обидных комментариев, — голос учительницы тонул в гуле.

Класс уже оживился, остановить его было сложно. Кто-то смеялся, кто-то комментировал прочитанное. Ян почувствовал, как внутри поднимается знакомый густой жар.

Мия пыталась отобрать тетрадь, но Артём держал её высоко.

— Артём, хватит! — она дёрнула его за рукав. — Верни, тебе что, делать нечего?

— Щас, щас, ещё чуть-чуть. «Моё сердце как...» — он шурился, пытаясь разобрать её почерк. — Как что? Как мусорка у подъезда?

Кто-то громко и едко произнёс:

— Ну всё, Зонову достали, так ей и надо. А то типа самая

умная.

Ян ещё секунду сидел. В голове проскочило лениво-ядовитое: «Не лезь. Она сама справится. Это не твоя забота».

Пальцы сами собой сжались в кулак. В ладони тонко, почти приятно кольнуло — лист ожил.

Он не помнил, как встал. Просто встал — и оказался рядом.

— Отдай, — сказал он, голос прозвучал ниже обычного.

— О, герой проснулся, — Артём ухмыльнулся, не отпуская тетрадь. — Тебя кто звал, сторож собственной жизни?

Несколько человек прыснули. Мия вцепилась в угол страницы, тетрадь опасно выгнулась. Что-то внутри Яна щёлкнуло. Он видел, как Артём рвёт тетрадь, Мия смотрит на обрывки, а вся их компания ржёт ещё громче.

«Хватит», — подумал Ян. Он схватил Артёма за запястье. Сжал. Не сильно. Ему так показалось.

Мир на секунду сузился до этого запястья — тёплого, живого. Под пальцами что-то дёрнулось, как провод под током. По коже Яна, от ладони к плечу, прокатилась горячая волна, лист на руке вспыхнул так ярко, что он почти увидел этот свет.

Артём всхлипнул.

— Ты чего... — начал он, но фраза сорвалась на сдавленный вскрик. — Жжётся! Отпусти, псих!

Он дёрнул рукой, но Янова ладонь будто прилипла. Две секунды, три. Запахло чем-то странным — не кожей, не по-

том, а будто горелой листвой.

У Яна в голове вспыхнуло: «Отпусти. Сейчас. Сейчас же». Он разжал пальцы.

Артём отпрянул, прижимая руку к груди. На его запястье проступало красное пятно — неправильной формы, с неровными, чуть потемневшими краями, почти как отпечаток... от руки.

Тетрадь вывернулась и упала на пол. Мия метнулась, подняла её, прижала к груди. В классе повисла тяжёлая тишина. Даже те, кто ещё секунду назад смеялся, замерли.

— Что здесь происходит? — учительница литературы подошла к ним ближе. — Артём, что с рукой?

Артём открыл рот, закрыл, посмотрел на Яна, на Мию. На секунду в его глазах мелькнула не привычная издёвка, а чистый, детский страх.

— Он... — Артём сглотнул. — Он меня жёг!

Класс загудел как улей.

— Стрелецкий, — голос учительницы стал ледяным. — К завучу, быстро! Артём, в медкабинет.

Ян сидел на стуле напротив завуча. Артём в коридоре драматично демонстрировал своё запястье всем желающим. Слышались шепотки: «У него реально ожог», «Да ладно, может, аллергия».

— Ты его ударил? — Завуч посмотрела поверх очков с немим укором: «Ну что ещё случилось, что вам всем не сидится спокойно».

— Нет, — Ян упрямо смотрел в стол. — Я просто взял его за руку. Он тетрадь вырвал.

— Просто взял за руку так, что у него теперь след, — уточнила завуч. — Ты понимаешь, Ян, что это... не нормально?

«А что у нас вообще нормально?» — хотелось спросить, но он молчал.

— Так, — завуч вздохнула. — Драка у вас — не драка, конфликт — не конфликт... Но твой одноклассник, возможно, получил ожог и сейчас как минимум напуган. Плюс Мия... — она поморщилась. — Я не буду сейчас во всём этом разбираться. Поговоришь со школьным психологом. Дальше будем смотреть по ситуации.

Она уже тянулась к телефону.

— Мам... то есть родителей... не надо, — Ян поднял голову. — Пожалуйста.

Он представил, как мама с животом тащится на разговор в школу.

Завуч посмотрела чуть внимательнее.

— Ладно, надеюсь, обойдётся без жалоб. У Артёма вроде отец вменяемый, знает своего сына, да и история, судя по всему, из тех, где сам нарвался. Но к психологу после меня зайди, — сказала она. — Родителей... пока не трогаем. Но если что-то серьёзное... сам понимаешь.

«Спасибо», — подумал он, но вслух не сказал. Только кивнул.

Школьный психолог оказался совсем не похожим на того

психолога из центра. Кабинет был меньше, с детскими рисунками на стенах — радуги, домики, человечки с круглыми руками. На столе — коробка с салфетками и пластиковые фигурки животных.

— Ян, да? — Женщина лет тридцати пяти, одетая в свитер и джинсы, улыбнулась, но не слишком широко. — Я Ирина Сергеевна. Как твоя рука?

Ян автоматически спрятал конечность под стол.

— Нормально, — буркнул он. — А что с ней?

— Ты сильно держался за Артёма, — она кивнула в сторону двери. — У него ожог, похоже. У тебя нет?

Он пожал плечами.

— Ничего такого.

На самом деле лист на ладони горел сильнее обычного, как будто ему было... стыдно. Или, наоборот, радостно.

Ирина Сергеевна какое-то время молчала, давая ему возможность заговорить самому. Ян упрямо молчал.

— Я не буду расспрашивать тебя, кто начал, — наконец сказала она. — Завуч мне уже всё пересказала в своей версии. Меня больше интересует, что было до и после. До — ты сидишь, у одноклассницы отбирают тетрадь. После — ты сжимаешь чужую руку так, что остаётся след.

Она чуть наклонилась вперёд.

— Ты же ходишь к психологу в центре, верно? — осторожно добавила она. — Твоя мама говорила.

Ян чуть дёрнулся.

— Да, — нехотя признал он.

— И как тебе там?

Он помолчал, потом пожал плечами:

— Нормально. Он... слушает.

— А ты — рассказываешь?

«Иногда», — хотел сказать Ян. В памяти прокрутился прошлый сеанс: как он начинал говорить про город во сне, про свет и тень. И в какой-то момент внутри будто включился чужой голос: *«Не рассказывай. Молчи»*.

Слова тогда застряли. Он перевёл разговор на школу, на Севу, на Крым. Психолог кивнул, сказал: «Ладно, к этому вернёмся» — и записал что-то в карту.

— По-разному, — ответил Ян. — Иногда... не получается.

Ирина Сергеевна кивнула, как будто её это не удивило.

— Знаешь, я не хочу лезть туда, где у вас уже идёт работа. Но одну вещь я тебе всё равно скажу, — она постучала пальцем по столу. — То, что сегодня произошло в классе, — не только про Артёма и Мию. Это про то, как ты в принципе обращаешься со своей силой.

— С какой силой? — Ян фыркнул.

— С любой, — спокойно ответила она. — С тем, что мы сами делаем с другими людьми. Мы можем спасти, можем игнорировать, можем причинять боль. Любой из этих вариантов что-то запускает. Я не говорю, что ты плохой или хороший. Я говорю про то, что твои мысли и действия имеют

вес. Ты не бог, но и не ноль.

Он дёрнулся. Фраза прозвучала почти слово в слово, как у другого психолога. Как будто они сговорились.

— Если ты уже ходишь к своему психологу, — продолжила Ирина Сергеевна, — пожалуйста, расскажи ему про сегодняшний случай. Про то, что ты почувствовал, когда держал Артёма. Не только то, что было снаружи, но и то, что внутри. Сможешь?

Ян отвёл взгляд. Внутри тут же поднялось липкое, знакомое: *«Не рассказывай. Это твоё»*.

— Не знаю, — тихо сказал он. — У меня сегодня как раз встреча. Посмотрю.

— Я очень рекомендую тебе это сделать, — мягко, но настойчиво сказала она. — Если ты не будешь отвечать за свою силу, за тебя это сделает кто-то другой. И вот тогда точно будет страшно.

Слова «кто-то другой» неприятно отозвались, будто кто-то провёл ногтем по стеклу. Ян сглотнул.

— Ладно, — выдавил он. — Попробую.

После школы он поехал в центр поддержки и психологической помощи.

— Ян, — врач в очках выглянул из кабинета. — Проходи.

— Твоей маме позвонили из школы, — без предисловий сказал психолог, когда Ян сел. — Она попросила меня поговорить с тобой об этом... чтобы помочь понять, что там было.

«Быстро работают», — прошёлся внутри холодок.

— Я не хочу, чтобы её дёргали, — выдохнул Ян. — У неё и так... — он неопределённо кивнул в сторону живота, которого здесь не было.

— Я понимаю, — кивнул врач. — Но давай мы сейчас с тобой без мамы разберёмся. Попробуем?

Ян хотел сказать: «Нет», но кивнул. Он рассказал. Сначала сухо: Артём, тетрадь, Мия, рука. Потом врач спросил:

— Что ты почувствовал в тот момент, когда схватил его?

И вот тут началось самое неприятное. Потому что вспоминать оказалось хуже, чем просто пересказывать.

— Злость, — сказал Ян. — Сначала злость. Типа «опять кто-то орёт, опять на слабого наезжают». Потом... — он поморщился, — потом как будто внутри что-то сказало: «Ну давай. Сделай уже что-нибудь. Ты же хочешь».

— Хочешь чего? — врач чуть наклонился вперёд.

— Чтобы... они отстали. Чтобы ему было... — Ян запнулся. — Чтобы он понял, что так нельзя.

— Чтобы он испугался? — мягко подсказал психолог.

Ян сжал кулаки.

— Типа того, — глухо признал он. — Он постоянно всех достаёт. Мию, мелких. Меня... не особо, конечно, я обычно отматываю, но... просто бесит своими выходками, типа ему всё можно, он крутой.

— То есть ты впервые позволил себе не просто «отмотать», а дать ему почувствовать то, что чувствуют те, кого он

трогает, — врач кивнул. — И в этот момент ты почувствовал силу. Так?

Ян закусил губу. «*Не рассказывай*», — опять шепнул внутри голос. Стало чуть холоднее. Как будто в щель под дверью подтекла сырость.

— Я не... — он сглотнул. — Я не хотел, чтобы у него остался ожог. Я просто... не рассчитал.

— Верю, — спокойно сказал врач. — И всё равно это случилось. Вопрос не в том, хотел ли ты. Вопрос — что ты теперь будешь с этим делать? У тебя есть выбор: либо отрицать и говорить про «сам виноват», либо признать, что внутри у тебя есть штука, которая, если её не видеть, может вырваться в самый неожиданный момент.

Ян поёжился.

— Я же не... какой-то монстр, — выдохнул он.

— Я этого и не говорил, — врач чуть улыбнулся. — Но то, что внутри, всё равно есть. Если ты делаешь вид, что его нет, оно никуда не денется и со временем окрепнет. Если ты начинаешь смотреть — у тебя появляется шанс выбирать, что с этим делать. И да, записывать — часть этого выбора.

Он кивнул на рюкзак.

— Тетрадь с собой?

Ян медленно вытащил «Примерку».

— Давай так, — предложил психолог. — Сегодня попробуй записать именно это. Не только что произошло, но и что ты чувствовал, когда держал его руку. И если вдруг в голове

снова появится голос «не рассказывай» — тоже запиши. Не надо с ним спорить. Пусть тоже будет на бумаге.

«Он что, слышит его? — мелькнуло у Яна. — Или он мои мысли читает?» Всё внутри сжалось. На секунду ему показалось, что где-то в углу кабинета, за стеллажом с книгами, шевельнулась тень. Не его, не врача — какая-то третья.

— Ян? — врач внимательно посмотрел. — Ты сейчас где?

— Здесь, — выдавил тот.

«Уходи. Не трогай. Не рассказывай», — тихо, почти ласково тянулось внутри. Он сжал ладонь под столом, чувствуя, как лист на руке вспыхивает болью.

— Я... попробую, — сказал он вслух.

После сеанса Ян шёл домой медленно, специально делая крюк через двор и пустырь. Голос внутри наконец отступил, но оставил после себя тяжёлую вату.

Воздух был сырой. Фонари ожидали своего часа. На улицах было пустынно. Он уже миновал знакомый дом, когда услышал:

— Мяч!

Ян обернулся. На краю двора мальчишка лет десяти беспомощно смотрел, как его маленький ярко-оранжевый мяч укатывается по наклонной бетонной дорожке — прямо к металлической двери в цоколе. Мяч упруго стукнулся о нижний край, подпрыгнул и, как по заказу, нырнул в узкую щель между дверью и порогом.

Металлическая дверь была той самой, с табличкой

«ВХОД ВОСПРЕЩЁН. ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ» и ржавым замком.

— Там... у меня мячик. — Мальчишка посмотрел на Яна с такой надеждой, что тот на секунду почувствовал себя действительно «старшим». Настоящим.

— Там закрыто. Новый попроси, купят.

Мальчишка тут же сник, щёки надулись, глаза наполнились слезами.

— Мне дедушка подарил, — шмыгнул он. — Он один такой.

Слова «он один такой» задели за живое. Ян вдруг очень ясно увидел этот мяч — как точку, как якорь, как ту самую «не очень важную», но последнюю нормальную вещь у кого-то.

— Ладно. Подожди здесь, — сказал он мальчику и подошёл к двери

Замок болтался на погнутой петле. «Странно, в прошлый раз он был крепким», — подумал Ян. Если потянуть посильнее...

И тут он заметил, что замок не был закрыт, он был просто декорацией. Ян дёрнул дверь. Металл жалобно скрипнул, и дверь поддалась — чуть-чуть, ровно настолько, чтобы проскользнуть плечом.

Внутри было темно. Холод ударил в лицо, как из холодильника. Ян достал телефон, осветил вниз. Узкая бетонная лестница уходила в полутьму. Стены — те же, шерша-

вые. У самого низа, в полосе света от двери, лежал оранжевый мяч.

— Я сейчас, — крикнул Ян наверх.

Ответа не последовало. Мальчишка где-то там всхлипывал. Ян ступил на первую ступеньку. Потом на вторую. На третьей телефон мигнул, но свет продолжал гореть. На пятой воздух стал чуть гуще — как кисель.

«Стоп, — отозвался в памяти голос Дерезбенделя. — Дальше тебе дороги нет. Твой путь — в другую сторону».

— Я не за этим, я за мячом, — прошептал Ян в пустоту, как будто кто-то слушал и мог поверить.

Он осторожно спустился до самого низа, сунулся в полосу света, наклонился, протянул руку. Пальцы коснулись гладкой резины. Ян поддел мяч, прижал к себе.

В этот момент за спиной тихо щёлкнуло. Как выключатель. Он резко выпрямился, обернулся. Дверь наверху медленно, словно лениво, начала закрываться. Полоса света сужалась. Чей-то силуэт мелькнул снаружи. Или показалось?

— Эй! — вскрикнул Ян. — Подожди!

Он рванул вверх, но ступени под ногами вдруг стали выше, чем были секунду назад. Каждый шаг давался с усилием, как в вязком сне.

Дверь хлопнула, и тьма сомкнулась. Телефон в руке мигнул ещё раз — и экран погас. Полоска батарейки успела мелькнуть одним процентом оставшейся зарядки.

— Класс, — прохрипел Ян. — Вообще отлично.

Он вздохнул глубже, втягивая сырой и холодный воздух, пытаясь сосредоточиться.

— Ладно, — сказал вслух. — Ничего. Я уже тут был. Я знаю, как...

Вспомнились ступени, вязкий воздух, слова: «Не друг, не враг, не сам пришёл, не сам ушёл». Лист на ладони жёг так, будто её только что приложили к раскалённому утюгу.

— Ты опять, да? — шепнул он в темноту. — Мокротины, или кто вы там!

Ответом было шевеление. Не звук — а как будто сама тьма чуть-чуть вздохнула. Ян вспомнил странное существо, которое назвало себя Дерезбенделем, его мокрые лапы, раздражённый голос: «Ты сам Эгениума позвал».

«Я тогда ушёл, — подумал Ян, — я смог. И сейчас смогу». Он глубоко вдохнул. Внутри всё дрожало, пальцы глупо сжимали всё тот же оранжевый мяч — смешная яркая точка в этом мраке.

— Не друг, не враг... — прошептал он. — Не сам пришёл, не сам ушёл.

Ступени под ногами будто дрогнули. Тьма шевельнулась — не вокруг, а в самом её центре, как если бы кто-то провёл ногтем по плотной чёрной плёнке.

Прямо перед ним, в стене, где секунду назад была только серая шершавость, проступил контур. Сначала тонкая бледная линия, потом — чётче. Маленькая дверь, высотой ему по плечо, без ручки, только с крошечной щелью по краю. На

миг показалось, что из-за неё тянет не холодом, а чем-то... живым. Тёплым.

Он протянул к двери руку. И в этот момент в кармане завибрировал телефон. Ян дёрнулся так, что чуть не выронил мяч. Экран вдруг вспыхнул — на долю секунды, гораздо ярче, чем полагалось при одном проценте батареи. На экране имя: «Мама».

— Да ну на... — выдохнул он, сам не понимая, рад этому звонку или нет.

Палец сам потянулся к зелёной кнопке. Внутри тут же поднялось новое: *«Не бери. Не отвечай. Ты сейчас не здесь»*.

Он ткнул в экран, почти на автомате.

— Ма?..

Голос мамы прорезал тьму так же, как раньше будильник по утрам.

— Ян? Ты где? Я тебе пишу, звоню, ты не отвечаешь.

Связь шипела, будто между ними стояла та самая бетонная стена. Но её голос был настоящий, живой, тёплый.

— Иду, скоро буду, — выдохнул он, сам удивляясь, как быстро справился с дрожью в голосе и как легко даются сейчас эти слова. — Я... скоро.

Экран мигнул ещё раз. «Заряд 0%» — и телефон погас окончательно. Но линия уже будто протянулась — от него к ней, наружу. Он стоял, сжимая в одной руке мяч, в другой — мёртвый телефон, и чувствовал: тьма вокруг больше не такая гладкая. В ней появились трещины.

«Не друг, не враг, — повторил Ян чуть увереннее, уже не вслух, а про себя. — Не сам пришёл, не сам ушёл». Раз. Поворот через плечо. Два. Три. Пять.

Мир вокруг на секунду закрутился, как в калейдоскопе. Ступени под ногами исчезли. Он машинально шагнул вперёд — и вместо холодного бетона под кроссовкой оказался мокрый асфальт.

Ян распахнул глаза. Он стоял во дворе, но не там, где заходил. Другая сторона дома, другие подъезды, другая лавочка. В одной руке до сих пор был оранжевый мяч, в другой — потухший телефон. Небо над головой — серое, обычное.

— Мяч! — голос прозвенел совсем рядом.

Ян обернулся. Мальчишка стоял на углу, зажав в руках рюкзак.

— Держи, — Ян протянул ему мяч. — Смотри в следующий раз, куда пинаешь, ладно?

Мальчишка кивнул так серьёзно, что Ян невольно усмехнулся. Он сунул мёртвый телефон в карман и, не оглядываясь на дом, пошёл к остановке. Руку с листом всё ещё жгло, но теперь жжение было другим — почти как след от слишком крепко сжатого ремешка. «На сеансе расскажу или снова промолчу?»

Где-то совсем в другом месте кто-то разочарованно шелестел пустыми отверстиями, где должен был быть рот: «Опять», «Ушёл», «Мы ждём».

А кто-то ещё добавил, растягивая каждое слово, как лип-

кую нить: *«Ничего. У нас есть время».*

А Ян шёл, слыша в голове только один голос — мамин, долетевший к нему через бетон и тьму: *«Ты где?»*. И от этого *«ты где»* было тепло и даже как-то спокойно.

Глава 10

Он добрался до своего подъезда, когда фонари уже зажглись. Лампочка над дверью мигала, лифт гудел где-то наверху. Ян приложил ключ и вошёл в подъезд. Слева от лифта была дверь в техническое помещение. Он уже хотел пройти мимо, но краем глаза заметил: у самой двери лежит мяч. Маленький, оранжевый, с белыми полосками сбоку. Точно такой же, как у того мальчишки во дворе. Только чистый, как из магазина.

Ян остановился. В подъезде было пусто, наверху хлопнула дверь, и кто-то проворчал: *«Опять лифт застрял, что ли»*. Ян посмотрел на мяч. Тот спокойно лежал у порога техпомещения, в полутени.

«Не бери. Пройди мимо», — шепнуло внутри.

И тут же другое: *«Это же просто мяч. Обычный»*.

Он раздражённо дёрнул плечом, как будто отгонял назойливую муху.

— Я не собираюсь с вами играть, — пробормотал он, сам не зная, к кому обращаясь. — Мне домой надо.

Ноги сами собой сделали шаг в сторону. Потом ещё один. Ещё. Он нагнулся, протягивая руку к мячу...

И в этот момент кто-то схватил его за запястье. Хватка была неожиданно крепкой и холодной. Не людской. Под пальцами — влажные, чуть шершавые подушечки. Ян дёрнулся так, что ударился спиной о стену.

— Ты совсем... — знакомый голос недовольно захрипел. — Мне что, таблички везде развесить, чтобы ты сразу видел, что тут опасно?

Ян опустил взгляд. У его ноги, почти сливаясь с тенью от батареи, топталось знакомое существо. В полутьме подъезда оно казалось ещё более нелепым: вытянутая шея, лохматое тело, на груди тускло покачивался маленький шар-фонарь, который, казалось, светил только для них двоих.

— Дерезбендель... — выдохнул Ян. — Ты что тут делаешь?

Существо возмущённо вскинуло голову.

— Я? Я работаю. Исправляю ошибки. Мелкие. Пока ещё мелкие. Ты зачем сюда лезть собрался? — процедил Дерезбендель. — Тебе мало одного подвала? Одной двери?

— Я домой иду, — огрызнулся Ян. — Это мой подъезд. Я просто... увидел мяч.

Он сам понял, насколько жалко это звучит.

— Ой, «просто увидел», — передразнил его Дерезбендель фальцетом. — А потом «просто взял», «просто сказал», «просто подумал»... А потом бац — и кто-то где-то весь в нитках.

— При чём тут... — Ян осёкся. — Это вообще обычный

мяч? Или опять ваши...

Он махнул свободной рукой куда-то в сторону техпомещения. Мяч лежал всё там же, но теперь Ян был почти уверен, что минуту назад он был чуть левее.

— Обычный, необычный, — буркнул Дерезбендель. — Какая разница? Тебе туда рано.

— Куда — туда? — нахмурился Ян.

— Туда, где двери маленькие, а последствия большие, — вздохнул тот. — Я в прошлый раз забыл тебе самое главное сказать. Хотел — и забыл... Эх, эх, голова моя дырявая, — закричал он. — Непростительно. Голова моя дырявая.

Он сокрушённо стукнул себя лапой по лбу, но тут же опять впился взглядом в Яна.

— Слушай сюда, рисователь. Маленькие двери — не для тебя. Понял? С той стороны очень любят удобных. Я тебе там уже не смогу помочь.

Слово «удобный» неприятно отозвалось — в памяти сразу всплыли Сева, Артём, учительница, мама.

— Я же не заходил, — пробормотал Ян. — Я только увидел. И меня... выдернуло.

— Тебя выдернули, — поправил Дерезбендель. — Не путай. Если бы не она со своим звонком...

Он фыркнул, как будто проглотил что-то кислое.

— Ты про маму? — не поверил Ян.

— А про кого ещё, — раздражённо махнул лапой Дерезбендель.

Ян молчал. В горле встал ком. Дерезбендель помолчал тоже, потом неожиданно мягче добавил:

— Ты в следующий раз, когда услышишь, как тебя зовут оттуда, — он кивнул куда-то вниз, за пол, за трубы, — вспомни, что не только оттуда зовут. Понял?

— Я ничего не слышу, — соврал Ян.

— Конечно, — кивнул Дерезбендель с таким видом, будто его только что попытались убедить, что вода сухая. — А мячик этот оставь. Не твой. И вообще, — он поморщился, глядя на дверь техпомещения. — Тут пока ещё тихо, спокойно. Не надо их подкармливать.

— Кого — их? — спросил Ян, но существо уже подбиралось к тени под батареей.

— Тех, кто шелестит, — бросил он через плечо. — Тех, кто ждёт.

Маленький шар на его груди на секунду вспыхнул ярче, заливая подъезд тёплым светом, а потом всё разом схлопнулось. На полу осталась только тень от перил и мяч, который теперь выглядел совершенно непримечательным, как из магазина.

Ян ещё секунду постоял, глядя на него. Потом медленно отступил к лифту. Он нажал кнопку, прислонился затылком к холодной стене и только тогда заметил: ладонь, которой он тянулся к мячу, опять чуть покраснела. Контур листа будто стал толще.

— Обычный мяч, — тихо сказал он сам себе. — Обычный

подъезд. Обычная жизнь.

Лифт лязгнул дверями, приглашая внутрь. Ян шагнул в кабину и, пока та дёргалась вверх, упрямо старался не думать ни о подвалах, ни о дверях, ни о том, что даже дома за ним всё равно кто-то следит — с той стороны или с этой.

Он прошмыгнул в квартиру так тихо, как будто дверь могла заорать. Быстро снял кроссовки, на цыпочках добрался до своей комнаты, захлопнул дверь. Сердце ещё не до конца вернулось к нормальному ритму. В голове мелькал подвал, лестница, маленькая дверь, мяч у техпомещения и мокрая лапа Дерезбенделя на его запястье.

Ян резко дёрнул шнур наушников, воткнул их в ноутбук, включил музыку погромче — так, чтобы басы глухо били по ушам. Ещё одно измерение, поверх всего. Экран вспыхнул привычным светом. Чат класса горел новыми сообщениями:

«Видели, как Стрелецкий Артёма прижал?»

«Нормально ты ему дал, он задолбал уже».

«За дело выхватил, нечего цеплять».

Сева, конечно, был в авангарде:

СЕВА: «Я всегда знал, что Стрелецкий топчик». Кто-то в ответ кинул мем с «героем в плаще». Кто-то написал: «Да, респект». Ян поймал себя на том, что читает эти слова так, будто это про кого-то другого. Про какого-то «Стрелецкого», который существует только на экране.

Сбоку всплыл новый значок: личное сообщение.

МИЯ: «Спасибо за сегодня».

Он устоял на это «спасибо», как на маленькую точку света. В нём не было ни смайликов, ни пафоса. Только три слова. Почему-то от них стало теплее, чем от всех мемов и респектов вместе взятых.

Пальцы зависли над клавиатурой. «Да не за что» — казалось слишком тупым. «Всегда пожалуйста» — чересчур выпендрёжным. «Он достал всех» — будто обесценивало её, а не его.

В итоге написал:

ЯН: «Не люблю, когда на слабых наезжают. Но вообще... ты не слабая».

Посмотрел на фразу, поморщился, но стирать не стал. Отправил. Три точки набора текста мигнули, погасли. Потом опять появились.

МИЯ: «Я не слабая, но иногда приятно, когда за тебя не только ты сама».

Он невольно улыбнулся. Музыка в наушниках отбивала ритм, чуть заглушая собственные мысли. «Я не ноль», — вдруг всплыло из кабинета психолога. На этот раз фраза даже не взбесила.

Ян закрыл ноутбук, выдернул наушники. Музыка оборвалась, тишина комнаты стала непривычно чистой. Из гостиной доносился тихий звук телевизора и мамин голос.

Он вышел в коридор. Мама сидела на диване, подложив под спину подушки, листала какой-то список в телефоне —

то ли для роддома, то ли детских вещей.

— Мам, — сказал он.

Она подняла взгляд:

— Как ты? Всё нормально?

Ян кивнул. Подошёл ближе, помялся пару секунд.

— Спасибо, — выдохнул он.

— За что? — она удивилась так искренне, что даже телефон отложила.

— Ну... — Ян неопределённо повёл рукой куда-то в сторону стены, где, по идее, должна была быть школа, подвал, психолог — всё сразу. — Вообще.

Он сам понял, насколько криво это звучит. Мама чуть нахмурилась, а потом улыбнулась — уже по-настоящему.

— Я ж мама, — просто сказала она. — У меня это в должностные обязанности входит. Но спасибо, что сказал.

Ян хотел уже уйти к себе, но вдруг дотронулся до её плеча, почти неосознанно. Тёплого, живого. В отличие от той кожи, что жгла под его пальцами днём.

— Я тебя люблю, — неожиданно для себя добавил он, глядя куда-то мимо её лица.

— Я тебя тоже, — ответила она. — И с бебиком мы тебя тоже любим. Хотя ты и ворчишь на нас мысленно.

Он фыркнул и ушёл к себе, пока в горле не встал ком. Руку с листом больше не жгло. Она только легонько пульсировала, как будто кто-то изнутри кожи стучал пальцем: «Я тоже здесь. Не забудь про меня».

Глава 11

Где-то совсем в другом месте воздух был вязким и густым. В сером зале, под потолком, которого никто не видел, тени зашевелились.

Кто-то разочарованно шелестел пустыми отверстиями, где должен был быть рот:

— Опять... Опять... Ушёл... Ушёл... Мы ждём...

Под их бесформенными ногами вдруг выступили тонкие, точно ртутные, лужицы. Сначала маленькие капли. Потом шире. Лужицы вспыхнули красноватым светом и начали медленно разъедать бетонный пол.

Камень шипел так, как если бы на него плеснули кислотой. Трещины, которые раньше были едва заметны, поползли дальше, разрастаясь и переплетаясь. В этих трещинах тоже что-то тихо мерцало, как крошечные огоньки.

— Он не стал нашим, — прошипела одна тень, вытягиваясь выше. — Он сопротивляется. Его зовут — и он идёт за другим голосом.

— За голосом... — эхом повторила другая, тонкая, как шарф. — За её голосом. Это нечестно.

— У нас нет времени, — сипло произнесла третья, широкая, как пальто. — Он не стал подвластен. Надо найти нового. Или перевести его. На нашу сторону.

Слово «нашу» прозвучало так, будто за ним стоял кто-то ещё, гораздо более тяжёлый, чем все они вместе взятые.

Одна из луж вспыхнула ярче, выпуская вверх столбик дыма.

— К Эгениуму, — прошуршала первая тень. — Он должен знать. Пусть решит.

— К Эгениуму, — зашелестели остальные, и в общем гуле слышались жадные ноты.

Тени потянулись к дальнему концу зала, туда, где камень был темнее, а трещины сходились в одну, самую глубокую. Лужи под ними медленно стекались в эту трещину, как если бы кто-то снизу пил их.

Высоко, там, где не было видно ни стен, ни потолка, шевельнулось что-то тяжёлое. Воздух на миг стал ещё плотнее. Здесь никто не знал, который сейчас час «там», где будильники, телефоны и школьные чаты. Но все очень хорошо чувствовали: наверху кто-то снова сделал выбор не в их пользу. Это делало трещины шире, а голод — острее.

Где-то в самых нижних расщелинах зала тьма густела, как вода в старом замшелом колодце. Там, внизу, шевелилось что-то тяжёлое. Тени не видели его целиком — только чувствовали: когда оно дышало, воздух в зале чуть дрожал.

Они стекались туда, в самую широкую трещину, как стая чёрных лоскутов.

— Эгениум, — шептали они, сжимаясь. — Эгениум.

Тишина протянулась так долго, что самые нетерпеливые начали уже шуршать от голода. И вдруг сверху вниз, как по невидимому стержню, скользнула толстая, тяжёлая тень. Она

не имела формы, но всякий раз, когда один из лоскутов случайно соприкасался с ней, то дёргался и отлетал в сторону, как от удара.

— Вы зовёте меня слишком часто, — голос не звучал, он свивался из обрывков чужих интонаций, — и приносите слишком мало.

— Он уходит, — одна из теней, тонкая, как порванная лента, дрожащим шёпотом заговорила первой. — Тот, который рисует. Его тянет вверх. Он отвечает на их голоса. Не на наши.

— Он не стал нашим, — подхватила другая. — Мы не можем дотянуться, как раньше. Он... делится. Говорит «спасибо». Говорит «люблю».

Слово «люблю» в этом зале прозвучало почти как ругательство. Несколько теней вздрогнули. Толстая тень, в которой угадывался центр, шевельнулась.

— Он был обещан, — тягуче произнес Эгениум. — Он сам звал меня. Его мысли горели, как угли. Он хотел запереть, сжечь, отрезать. Я чувствовал в нём сущность.

— Но что-то мешает, — вмешалась третья, похожая на обрывок плаща. — Кто-то другой за него тянет. Там, наверное. Они закрывают трещины. Зажигают... свет.

Последнее слово она почти выплюнула.

На мгновение показалось, что над ними вспыхнула ещё одна трещина — наоборот, не тёмная, а тонкая светлая линия. Но она тут же исчезла.

— Лаам? — в голосе Эгениума проскользнула старая, глубокая злость. — Он всё ещё там?

— Мы не знаем точно, но чувствуем касания, — едва слышно призналась одна из теней. — Кто-то развязывает, отпускает. Скрывает их истории. Уводит их из твоих залов.

— Из моих залов, — повторил Эгениум. — Из тех залов, которые я наполнил, когда он отвернулся.

Тяжёлая тень на секунду потемнела ещё сильнее, если такое вообще было возможно.

— Если тот, кто рисует, уйдёт к Лааму, — протянул он, — мы потеряем не только нового рисовальщика, — голос его стал похож на раскаты грома, — мы потеряем мост. Он уже стал проводником. Он связал нас с теми, кто ещё не знает о нас. Его рисунки — как тропы. Его боль — пища. Его молчание — наш друг. Но его «спасибо» — наш враг.

Тени зашевелились, как трава под порывом ветра.

— Что нам делать? — прошуршало сразу несколько голов. — Найти другого? Ту, которая пишет? Её тоже слышно. Она пишет, рвёт, стыдится. Её боль мягкая, сладкая, — протяжно прошептала одна из теней. — Она легче, чем его.

Где-то в глубине зала дрогнули другие нити — те, что тянулись не к Яну, а к кому-то ещё. В одном из коконов, полупрозрачном, как мыльный пузырь, на секунду вспыхнул силуэт — девичьи волосы, склонённая над тетрадью голова, мелкие нервные каракули по полям.

Эгениум на миг повернулся туда — всем своим нечелове-

ческим вниманием.

— Да... — протянул он. — Она тоже. Но они вместе вкуснее. Их истории переплетаются. Он уже потянулся к ней. Она уже написала ему «спасибо».

Последнее слово вспыхнуло над одним из коконов, как короткая искра.

— Значит, — голос наполнял собой все трещины, — пока не поздно, мы должны сделать две вещи.

Пауза повисла, как затянутая петля.

— Первое: глубже вплести в него боль. Чтобы каждый его добрый жест приносил ему ещё больше страха. Пусть он боится собственной силы. Боится себя. Боится говорить. Пусть его благодарности оборачиваются для него же ударами. Тогда он снова придёт ко мне, сам.

Тени зашипели одобрительно.

— Второе, — продолжил Эгениум. — Мы найдём ту, которая пишет. Покажем ей, как легко её слова превращаются в оружие против неё самой. Как они смеются над её строками. Как любое «спасибо» может стать «посмеялись».

Он медленно, будто с трудом проговорил:

— Уничтожать поодиночке — долго, легче всех разом.

Под их бесформенными ногами лужи снова зашевелились, соединяясь между собой. Трещины чуть расширились, но теперь не только вниз — кое-где тонкие, едва заметные линии потянулись вверх по стенам, туда, где никто из них ещё не был.

— Но Лаам... — неуверенно пискнула тихая тень. — Он совсем не спит. Мы продолжаем его чувствовать. И этих существ, — она почти с отвращением пробормотала, — что шастают по его ящикам и подслушивают истории.

— Дережбендель, — тяжёлая тень прошептала имя так, будто пробовала на вкус. — Его сил не хватило, чтобы остановить меня в прошлый раз. Не хватит и сейчас.

В зале стало ещё темнее.

— У вас мало времени, — наконец сказал Эгениум. — Они скоро уедут. В место, где уже был один из моих залов. Там меньше защиты. Там больше старых трещин. Там даже Лаам когда-то не до конца развязал всё, что нужно.

В голове каждой тени вспыхнули одинаковые образы — облупившиеся белые стены, узкая лестница вниз, табличка «ВХОД ВОСПРЕЩЁН».

— Адирват, — сказал Эгениум. — Там наши трещины старше его города.

— Адирват, — прошептали тени в унисон.

— Там, — согласился Эгениум. — Там вы наконец сможете показать ему, кто кого кормит. И если он всё ещё будет тянуться к свету... тогда, — голос стал почти ласковым, — мы найдём другого рисовальщика. Или сделаем так, что он сам приведёт её к нам.

Лужи под ногами теней погасли, как если бы кто-то выключил прожектор. Голод не ушёл — но стал более собранным. Направленным.

Где-то далеко, над ними, в мире телефонов, автобусов и школьных собраний, классный руководитель уже писала в чат: «Ребята, не забудьте завтра принести согласия от родителей на поездку в Крым, пора бронировать билеты».

А один парень у себя в комнате смотрел на слово «спасибо» на экране и ещё не знал, что его «да» будет значить гораздо больше, чем просто каникулы на море.

Глава 12

Информация о поездке вызывала сейчас значительно больше интереса, чем оценки за последнюю контрольную или кто за кем бежит. Чувствовалось какое-то электричество в воздухе. Даже самые заядлые ботаники перешёптывались, улыбались и пытались к кому-то присоединиться.

— Сегодня последнее организационное собрание по поездке. Да, несмотря на инцидент, школа приняла решение не исключать из поездки Мию, Яна и Артёма, если они принесут друг другу извинения.

Все одобрительно загудели.

— Вот видишь, жизнь налаживается, — радостно произнёс Сева, наклоняясь ближе к другу. — Ну подумай, скажешь «извини» — и всё замято, зато все поедет, круто ж будет.

— Не знаю, — буркнул Ян. Извиняться непонятно за что перед Артёмом совершенно не хотелось. Он сам это начал, вот пусть и извиняется.

Классная продолжала:

— Едем мы... — она повернулась к доске и крупно написала: «Крым. Севастополь». — Море уже не такое тёплое, как летом, но воздух, погода, режим, занятия и экскурсии. Но я напомню: это не просто отдых. Там будет и подготовка к экзаменам.

— Ян, ты что, залип? — Сева ткнул его локтем в бок. — Ты рад или как?

— Я... да, — ответил он.

После урока класс, естественно, не разбежался сразу. Все кучковались, обсуждали, кто с кем поселится в комнате, кто что возьмёт и что там можно будет делать.

Мия сидела за партой со списком расселения, с согласиями на поездку, что, впрочем, в её случае и не обсуждалось. Ей поручили собирать все документы и расписывать, кто с кем поедет в купе в поезде и потом будет жить в одной комнате.

— И что, по желанию нашему или классухи? — Сева, как всегда, был энергичным и деловитым.

— Тут всё уже распределили с учётом пожеланий двух сторон, — Мия, чуть скривив уголок рта, показала ему лист. — Всех по четверо селят. Смотри, — её палец скользнул по строкам. — Ты, Ян, ещё Паша и Лёша.

— А ты? — вырвалось у Яна быстрее, чем он успел подумать.

— Я — с Верой, Дашей и Лизой, — Мия пожала плечами.

— Норм.

— Норм, — протянул Сева. — То есть нас — в камеру с Пашей по прозвищу Храп, а вас — в уютный девичий рай. Несправедливо.

— Можешь поменяться с Пашей, если хочешь, — спокойно ответила Мия. — Он, кажется, не против спать в комнате девочек. По крайней мере, он так всем рассказывает.

— Я тоже не против с девочками, но боюсь, Ян обидится, — засмеялся Сева.

Ян отвесил другу шуточный подзатыльник, тот скривился, изображая, как ему больно. В этот момент Ян опять заметил, что пиджак Севы усыпан волосами, словно тот вдруг начал линять, как кот. Но он решил не париться сейчас об этом: не его голова, не его волосы.

Нечасто ему удавалось поговорить с Мией, хотя в последнее время общения стало значительно больше, чем за всё время учёбы.

— А ты чего туда едешь? — спросил он у Мии, сам удивившись своей смелости. — Тебе это всё в кайф? Режим, занятия, сосны?

Мия на секунду задумалась, глядя в окно. За стеклом висел серый городской день, влажный и плоский.

— Кайф — странное слово, — сказала она. — Но тут всё одинаково. Дом, школа, дом, школа. Мать на работе, отец вечно в разъездах. Я подумала, хоть пару недель будет что вспомнить. И, — она чуть пожала плечами, — море я люблю.

А ты?

Ян поймал себя на том, что смотрит на неё чуть иначе, чем раньше. Не как на «красивую девочку, над которой издевается Артём», а как на человека, который сам бежит от чего-то, только в другую сторону.

— Не знаю, — сказал он наконец и, сам не зная зачем, добавил: — Мама в Крым ездила в детстве, в санаторий. Рассказывала про лестницу вниз, куда нельзя было спускаться. Ей тогда казалось, что там, внизу, начинается другой мир.

— Может, так и есть, — Мия чуть улыбнулась. — Главное — потом подняться обратно.

— О, ну вот и цель: найти подземное царство Аида и вернуться обратно из Адирвата, — вклинился Сева.

— Я вообще-то не... — начал Ян, но Мия перебила:

— В Адирват? — переспросила она. — Это где?

— Да мы с ним шифруемся, — отмахнулся Сева. — Так, локальный мем по мотивам предстоящей поездки.

Яну хотелось остаться и ещё поболтать, но Севка уже тянул его в коридор.

— Идём, герой, нас ждут великие дела, пустой желудок уже издаёт призывный зов, — и Севка, обняв Яна за плечи, как закадычного друга, потащил его в сторону столовой.

«Сколько ещё всего проскальзывает через трещины, пока мы смеёмся», — мелькнула мысль в голове Яна.

Вечером дома на кухне появилась новая тема для разговоров, словно это не Ян на море ехал, а мама с Алексеем

— так мечтательно они говорили про Крым, про школу, про поездки с классом.

— Крым... — мама вздохнула и погладила живот. — Ладно, вот чуть подрастёт — и поедем все вместе. Ян, ты же не станешь противным и не будешь говорить, что тебе с нами неинтересно?

— Мам, — пробасил Ян, — ну что ты начинаешь. Когда подрастёте, мне уже сколько лет будет?

— Лен, и правда, он взрослый будет тогда, ему не до нас будет. Я в его годы... — протянул Алексей.

— Хватит про твои годы рассказывать, плохому ребёнку учить, — мама Яна в шутку погрозила мужу кулаком.

— Ма, я не ребёнок, — жуя, произнёс Ян.

— Ребёнок, не ребёнок — для меня всегда ребёнок, — она улыбнулась и потрепала сына по голове.

Ян сидел и поглядывал на них: «Вроде и Алексей этот норм мужик, чего я на него взъелся? И правда, вырасту, уеду, с кем мать осталась бы? А так у них бебик будет». Впервые от этой мысли ему не стало тошно. Он прислушался к рассказу мамы о том, как они с классом ездили в Крым.

— Мы тогда закрылись в комнате и рассказывали страшилки. Ну типа «в чёрной-чёрной комнате» — мама засмеялась. — В общем, глупости всякие, про мёртвых, про магию и прочую чушь. Вдруг свечи потухли и раздался жуткий звук. Мы как закричим, как к двери помчались, а она не открывается. Мы кричим, стучим. Звук всё приближается. Ой,

страшно как было. И вдруг — раз! — свет включился сам, дверь чуть приоткрылась. Мы выбежали, так и не поняв, кто из мальчишек это сделал.

— А может, это не мальчишки были? — серьёзно спросил Ян.

— А кто? — мама недоумённо посмотрела на него. — Хотя... знаешь, я забыла уже, а сейчас вспомнила. Мы тогда историю придумали: про тёмное существо из другого мира, которое питается нашими плохими мыслями, и если сильно пожелать кому-то плохого, то оно может забрать к себе. И мы тогда думали, чего бы пожелать нашей классной руководительнице, чтобы он её утащил и избавил нас от её занудных нравоучений. Ох, ну и глупые мы были тогда, — она усмехнулась, а потом, чуть помолчав, добавила: — Знаешь, а ведь она потом действительно исчезла.

— Это как? — серьёзно спросил Ян.

— Да не знаю, просто не вернулась с экскурсии. И больше её не видели. С нами обратно другая учительница ехала.

— А ты не помнишь, как вы его назвали, этого монстра?

— Не помню точно. Э... Эг... Не помню, Ян, странное какое-то имя. Даже не знаю, откуда я его взяла.

— Ма, это ты его придумала? — Ян удивлённо посмотрел на мать.

— Ой, ладно тебе! А ты думал, в кого ты такой, всё рисуешь? Я в детстве тоже рисовала и много чего придумывала, но потом всё позабывала, уже другие интересы появились.

Разве что такого странного, с носом гусиным смутно помню... Забавный такой.

Ян слушал мать, ловя каждое слово. Странное существо с клювом, тёмный монстр, странные события, тени, свет этот погасший, дверь. И то, что учительница пропала после их пожеланий, сейчас звучало как-то жутко.

«Значит, он был и у них. И она... тоже всё забыла».

— Ма, а у тебя остались рисунки? — взволнованно произнёс Ян, при этом стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Ты мне не показывала.

— Ой, да что там за рисунки, каляки-маляки какие-то, я уже и сама сейчас не помню, что там у меня за художества были, — мама неопределённо пожала плечами. — Может, у бабушки где-то валяются. Всё, Ян, хватит болтать, мне сидеть уже тяжело, — строго сказала она, прекращая их разговор.

На секунду перед глазами встал подвал, тьма, маленькая дверь, имя «Мама» на экране, вспыхнувшее в самом центре темноты, и тени, плывущие вокруг него и тянущие к нему длинные щупальца.

— Ладно, — сказал он, — я на боковую.

Ян закрыл дверь в свою комнату, не испытывая ни малейшего желания спать. То, что мама когда-то тоже рисовала подобное и видела то, что видит Ян, не давало покоя. Но она почти всё забыла и вряд ли вспомнит подробности.

«Надо успеть к дедам заскочить перед поездкой, может,

что-то у них осталось всё-таки».

Музыка в наушниках сегодня раздражала, мешая сосредоточиться. Телефон светился в полутьме, словно ещё одна маленькая дверь. В итоге Ян выключил всё, потянулся к столу и нащупал тетрадь с надписью «Примерка».

— Записывать, — пробормотал он.

Страница была чистой. Он взял карандаш. Сначала рука послушно вывела знакомый контур — тонкую линию лестницы вниз. Всё это он уже рисовал десятки раз.

Где-то между вторым и третьим штрихом мысли поплыли. В голове попеременно крутились фразы: «Адирват», «мы едем», «спасибо». Ян моргнул и вдруг понял, что не помнит, что было последние несколько минут.

Карандаш застыл в руке. На листе тянулся берег. Не его город, не привычная набережная, а что-то другое: каменистый обрыв, узкая полоска пляжа, чёрные камни в воде. Но больше всего насторожило не это.

На самой кромке, почти на границе воды и камня, стояла маленькая фигурка. Очень схематичная — пара линий, силуэт в худи, волосы, собранные в небрежный хвост. Он почему-то сразу подумал о Мие. На листе большими буквами и очень странным почерком было написано: «Берег Неотпущенных».

— Я не рисовал это, — вслух сказал Ян.

Звучало глупо. Но где-то между первой линией и этой фигуркой у него действительно зияла пустота. Как будто

кто-то аккуратно вырезал кусок того времени и подставил туда свой.

Лист на ладони чуть кольнул. Совсем легко, как в напоминание. «Ты сам, — шепнул где-то внутри знакомый голос. — Ты всегда всё сам. Мы только помогаем».

Ян резко откинулся на спинку стула, уставившись на рисунок.

— Если это я сам, — пробормотал он, — почему я этого не помню?

Ответа не было. Только какие-то тени вдоль линии горизонта казались очень густыми. Он хотел было перевернуть страницу, но в комнату постучали. На пороге стояла мама. Вид её был чуть растерянный.

— Ты знаешь, как-то странно, мне тут пришло на ум одно название... «Берег Неотпущенных». Не помню, что мы тогда так называли, но почему-то вспомнила, — и она, словно находясь в своих мыслях, ушла.

Ян посмотрел на рисунок, на закрытую дверь. Ему хотелось побежать сейчас за мамой, прижаться к ней, как он делал это в детстве, сказать, что ему страшно. Но... «Ей нельзя нервничать. Я взрослый. Я сам должен разобраться во всём».

Он закрыл тетрадь, положил сверху телефон — как будто так она будет менее доступна тем, кто шевелится в темноте. Ян лёг, уткнувшись лбом в подушку, стараясь не думать о том, что завтра они будут обсуждать, кто что берёт с собой, а он будет знать, что уже нарисовал место, где ещё не был.

Или был... когда-то.

Глава 13

Дережбендель вертел барабан — нервно, чуть быстрее, чем обычно.

— Не то, не то, не то, — бормотал он. — Это слишком далеко, это ещё не началось, это — уже закончилось...

Щёлк. В одном из круглых окошек проступило знакомое лицо. Ян, согнувшись над столом, что-то рисовал в тетради.

— Вот ты где, рисователь, — облегчённо фыркнул Дерезбендель. — Опять чертишь.

Он ещё подкрутил барабан, и во втором окошке появилась страница тетради. На ней был кусок берега, который Дерезбендель уже узнавал: обрыв, камни, море.

— Адирват, — проворчал он. — Нашли, понимаешь, себе игру.

Он уже хотел было перелистнуть дальше, но в этот момент картинка дрогнула, как если бы по стеклу провели ногтем. Изнутри.

Линия карандаша на бумаге изменилась — едва заметно, но достаточно. Внизу, на кромке воды, вдруг оказалась маленькая фигурка. Она держала себя так, как будто всё время ждёт удара, но всё равно смотрела вперёд.

— Стой, — тихо сказал Дерезбендель, хотя знал, что Ян его не услышит. — А это откуда?

Барабан сам чуть крутанулся и остановился. Дерезбен-

дель прищурился. В окошке калейдоскопа — девичий профиль, собранные в небрежный хвост волосы, тетрадь на коленях. Карандаш, который постоянно зачёркивал написанное. Лицо до боли напоминало ту, что обычно сидела за спиной Яна в школе.

— Вот же ж... — протянул Дерезбендель. — Второй рисователь. Только не карандашный, а... стихотворный, значит.

На подоконнике пискнул Бендежбель, его огромные глаза-пуговицы моргали, хлопая длинными ресницами.

— Нашёл? Нашёл? — он едва не свалился внутрь от нетерпения. — Ну что там? Он опять лез туда, куда не надо?

— Да бестолковый он какой-то, — отозвался Дерезбендель. — Вроде всё растолковал ему, так нет же: и лезет не туда, и думает не то, да ещё теперь и рисует то, что ещё не случилось. А это всегда хуже.

Он ткнул лапой в стекло, где Ян уже откинулся на стуле, глядя на собственный рисунок с выражением человека, который видит его впервые.

— Видишь? — фыркнул он. — Линии не его. Это уже Эгениум лапы тянет. Заставляет забывать, как всё началось, и подсовывает свою картинку.

Бендежбель осторожно перевалился ближе, уставился в окошко.

— То есть он нарисовал, но не помнит? — осторожно уточнил он. — Как это?

— Очень удобно, — хмыкнул Дерезбендель. — Всё само. Рука сама. Жизнь сама. А потом — бац! — и твои дорожки привели не туда.

Он чуть отстранился от калейдоскопа, встряхнул шерсть. — Ладно, давай ещё что-нибудь посмотрим, — предложил он другу. — У нас по графику сегодня город историй Сеносрех. Они когда-то пытались назвать его красиво, но буквы сами перепутались. Там нас давно ждут, а мы тут застряли с этим рисовальщиком. Он всё равно отправится в путь, говори ему или не говори. Упрямый, как и предыдущая. Главное, чтобы хуже не наделали.

Он дёрнул барабан, переключая на следующий сегмент. Теперь в стекле показался целый город.

Город оживших историй не был похож ни на привычный город Яна, ни на мокрый каменный зал Эгениума. Он был собран из разных кусков: тут — фрагмент старой улицы с фонарями, там — дорога из брусчатки, рядом — башня, ещё дальше — обрывающийся мост. Каждая часть была чьей-то историей, когда-то рассказанной или почти рассказанной, но не до конца.

По улицам бродили тени — не такие, как в залах Эгениума. Эти были цветные, в них почти угадывались тела, некоторые даже носили подобию лиц. Они не ели истории — они сами были историями: незаконченными, недопрожитыми, недорассказанными. Они рождались из огромных ящиков Дерезбенделя, когда он доставал ту, чей черёд прихо-

дил, и тогда Лаам отправлял их в город историй.

В старом кинотеатре бесконечно крутили один и тот же недоснятый фильм — проектор трещал, но в самом конце плёнка всегда останавливалась на одном и том же кадре.

— Смотри, они двигаются. Они что-то делают. Это же хорошо? — неуверенно произнёс Бендежбель.

— Это пока, — тихо отозвался Дерезбендель. — Пока там, наверху, кто-то действительно хочет что-то доделать, исправить. Только искренне, по-настоящему. Тогда Лаам может какое-то время скрывать их от теней Эгениума.

Он ткнул когтем в один из домиков, где женщина средних лет снова и снова садилась за стол, начинала писать письмо и каждый раз рвала лист на середине.

— А потом? — Бендежбель тревожно вскинул мордочку.

— Потом, если повезёт, они попадут в ящик «СДЕЛАЛОСЬ» и могут спокойно отдохнуть от всего суетного, — Дерезбендель кивнул в сторону шкафа. — А если не повезёт, — он вздохнул, — тогда они бредут по дороге к Берегу Неотпущенных. И если их души начинают тускнеть, их подбирает Эгениум. Вытаскивает из трещин обрывки, делает из них свои коконы. И получается то, что ты уже видел.

Бендежбель поёжился, вспомнив серый зал и кубы, внутри которых фигуры сидели в паутине из нитей. Он помолчал, потом, помявшись, спросил:

— А Адирват... он там же? В этом Городе? Или дальше? Дерезбендель на секунду перестал вертеть барабан.

— Адирват — это не город, — медленно сказал он. — Это край, где истории не хотят отпускать то или тех, что давно должны были уйти. Это не добро и не зло. Это место истины.

Он снова повернул барабан. В одном из окошек появилась скала. Светлая, почти белая. Над ней кружили птицы — маленькие тёмные точки, вечно завязшие на одном месте.

— Вот он, Адирват, — каким-то мечтательным голосом произнёс Дерезбендель и лапкой смахнул что-то с лица.

— Друг мой, что с тобой? — пропищал Бендежбель.

— Это очень старая история, — тихо сказал тот. — Из тех, что возвращаются в мир и повторяются. А я ничего не мог сделать.

Он забрался на огромную подушку и, глядя куда-то вдаль, начал свой рассказ.

— Давным-давно, — протянул он, — в тех местах, где море бьётся о камни, а ветер не знает, с какой стороны ему дуть, в стране Адирват жили обычные люди. И была среди них девушка чудесной красоты, которая рассказывала истории. И был один парень, который всё время крутился рядом. Он был с тёмной душой. Любил смотреть, как из-за его слов другие ссорятся. Ничего хорошего не делал, только всех стравливал. Но ему нравилась девушка. Только она его не замечала. И, как это всегда бывает, был ещё один юноша — совсем другой, добрый, светлый.

Бендежбель прижал уши. Он знал, что такие истории приятными не бывают.

— Завистливый парень обратился к тёмным силам и разбудил их, — продолжил Дерезбендель. — Пообещал всех жителей Адирвата в обмен на ту девушку. И сам пообещал служить тьме. А она почувствовала это и поднялась на скалу. Она бежала так быстро, что в какой-то момент споткнулась и полетела в пропасть.

Птицы над скалой в окошке вдруг закружили беспорядочнее, чем раньше.

— Но свет её не оставил, — голос Дерезбенделя стал ещё тише. — Дал крылья. И стала она птицей, хранительницей этой скалы. Так и летает там. А иногда и сюда залетает. Потому что свет и тьма для неё с тех пор идут рука об руку.

Он замолчал и посмотрел в стеклышко, где кружилась большая птица — чуть крупнее других, с почти белыми крыльями.

— Это... сказка? — неуверенно уточнил Бендежбель.

— Сказка — это способ вспомнить то, что все решили забыть, — отмахнулся Дерезбендель. — Для одних это сказка, для других — предупреждение.

Он на секунду прикрыл глаза.

— Но это ещё не всё, — спустя паузу добавил Дерезбендель. — Истории никогда не заканчиваются там, где люди думают, что поставили точку.

— Ты её знал? — Бендежбель плотнее прижался к калейдоскопу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.